

Офицерский
Честь и мею
роман

*Владимир
Нестеренко*

Обязан
побеждать

Офицерский роман. Честь имею

Владимир Нестеренко

Обязан побеждать

«ВЕЧЕ»

2020

Нестеренко В. Г.

Обязан побеждать / В. Г. Нестеренко — «ВЕЧЕ»,
2020 — (Офицерский роман. Честь имею)

ISBN 978-5-4484-8296-0

Этот роман повествует о малоизвестных страницах героической борьбы наших хорошо подготовленных разведчиков-диверсантов с немецкими захватчиками в первые месяцы Великой Отечественной войны. Образы главных героев – лейтенанта Белухина и санинструктора Котомкиной – собирательные, а события основаны на реальных фактах. Разведчик, минёр, снайпер Белухин, оказавшись в тылу врага, запасается оружием и боеприпасами, сколачивает отряд, взрывает поезда и склады, отбивает натиск карателей, спасает и защищает местных жителей. У него сложилась отработанная, сберегающая личный состав тактика боевых действий: удар, манёвр, удар.

ISBN 978-5-4484-8296-0

© Нестеренко В. Г., 2020

© ВЕЧЕ, 2020

Содержание

Историческая справка	6
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	22
Глава 5	26
Глава 6	29
Глава 7	37
Глава 8	41
Глава 9	47
Глава 10	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Владимир Нестеренко

Обязан побеждать

© Нестеренко В.Г., 2020

© ООО «Издательство «Вече», 2020

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2020

Сайт издательства www.veche.ru

* * *

75-летию Великой Победы посвящается

Историческая справка

В январе 1934 года начальник Генерального штаба РККА Александр Егоров издал директиву о формировании специальных диверсионных подразделений в Красной Армии на случай войны. В целях обеспечения секретности директива предписывала именовать эти подразделения «саперно-маскировочными взводами» и формировать их при саперных батальонах дивизий. В ближайших воинских частях для них хранилось вооружение и снаряжение (стрелковое оружие, боеприпасы, взрывчатка, карты местности, сухие пайки, медикаменты), также у доверенных лиц в селах и хуторах закладывались схроны. Для связи существовали пороли и отзывы. В 1935 году начали действовать специальные курсы для командиров этих взводов, расположенные на одной из учебных баз Разведывательного управления РККА в окрестностях Москвы. В тылу врага действовало 2200 оперативных отрядов и групп, численность их достигла почти 78 тысяч человек. Асы минно-подрывного дела Е.А. Темгуев пустил под откос 20, П.С. Синицин – 19, И.В. Майский – 18, Э.Б. Соломин – 17 поездов врага с боевой техникой, продовольствием, горючим...

Глава 1

Война застала лейтенанта Белухина в утренний час после того, как он получил в штабе дивизии назначение возглавить в стрелковом полку взвод разведчиков-диверсантов. Оно исходило от командующего армией, который в своё время занимался подготовкой курсантов на случай войны для диверсионных действий и разведки в тылу противника. Парней готовили по программе специального назначения с изучением иностранных языков, затем отправляли жить и работать в приграничную полосу. Для них закладывали в тайниках оружие, боеприпасы, продовольствие. Первые скудные сведения о том, что агенты выходят из подполья и эффективно проявляют себя в глубоком тылу у немцев, подсказали идею создания подвижных подразделений для выполнения разведки и специальных задач на переднем крае фронта. Их базой должны были стать дивизионный штаб и полк, успешно отбивающий атаки врага, куда лейтенант и был направлен. Подразделения, как такового, там ещё не было. Его только предстояло создать, чтобы дерзкими налётами на ближайшие тылы противника уничтожать его живую силу, склады с боеприпасами, продовольствием, горючим.

Константин Белухин выглядел немного старше своих лет. Его высокая фигура была ладно скроена, бросались в глаза широкие плечи и мощный, атлетический торс. Походка легкая, скользящая и бесшумная – выработанная тренировками. Взгляд серых глаз острый, изучающий, он словно фотографировал предмет и откладывал в память, чтобы потом в определённой ситуации использовать этот багаж. Русые волосы стриг коротко, это шло из детства, когда в школу мальчишек стригли наголо, под машинку. Оттуда же его любознательность и любопытство, а также тяга к военным играм, имитирующим стрельбу из самодельных луков или вырезанных из небольших досок пистолетов.

Инструкции на будущую борьбу с врагом, выданные Белухину в штабе дивизии, были общего характера. Шлифовать тактику и выучку предстояло на месте схваток на основе подготовки в учебной базе. По распоряжению майора Никудышнова из особого отдела дивизии перед дорогой в полк лейтенанту следовало получить сухой паёк в дивизионном продовольственном складе, а затем отправиться в автороту, расположенную на северной окраине посёлка, где стояла на ремонте гружённая боеприпасами полуторка. Там было кое-что и для его будущей группы. Кроме того, ему в подчинение должны были поступить уже обстрелянные разведчики: сержант и ефрейтор после легких ранений и лечения. Людей и машину лейтенанту предстояло разыскать и на ней прибыть в полк.

Раннее солнечное утро придавало хорошее настроение и уверенность в успехе. Все карты спутал внезапный налёт фашистских стервятников и разорвавшаяся бомба перед зарешеченным, с давно выбитыми стеклами окном склада, у которого стоял Белухин. Лейтенанта обдало горячей сжатой волной взрыва и осколком проборозило левую ключицу. В голове шумело, нарушился слух.

Так, вместо розыска разведчиков и полуторки, по совету старшины-кладовщика, ему пришлось направиться в противоположную сторону, в санбат на перевязку. Сразу всё пошло как-то наперекосяк – он думал совсем не так начать войну. Его личную войну, потому что остался один – семья вот так же нелепо погибла под бомбежкой, как сегодня оказался под ударом и он. Ненависть к врагу не давала свободно дышать.

В палатке с красным крестом на крыше плотно стояли койки, занятые ранеными. Остро пахло йодом, нашатырным спиртом, запекшейся кровью, стойким мужским потом, вокруг то резко, то протяжно раздавались стоны. В лучах солнца, прорывающегося в узкие оконца палатки, госпитальная картина действовала удручающе. Его перевязывала санинструктор Таня, оказавшаяся свободной от дел, поскольку только что сдала хирургу тяжело раненного

командира полка и двух офицеров и должна была возвращаться на передовую. Но машина, на которой она приехала, ушла грузиться боеприпасами и пока не возвратилась.

Он старался не смотреть на санинструктора, большеглазую, с аккуратным носиком и стройной фигуркой. Её руки умело орудовали пинцетом, протирая рану перекисью и смывая запекающуюся кровь. Костя словно впервые увидел женщину в армейской форме, в берете, чуть прикрывавшим густые пшеничные волосы. Как-то сразу отошла на задний план удручающая лазаретная тягость, стало все не так мрачно, как на первый взгляд. В учебной базе, где проходил подготовку Белухин и которую попросту называли «лагерем», обучали и радисток. Группы парней и девушек чаще всего пересекались в столовой, но ни одна из них не смогла привлечь Костиного внимания. А тут, в боевой обстановке, совершенно незнакомая дивчина прикасалась руками к его обнажённой мускулистой груди, туго накладывая бинты, и это прикосновение было приятным. Он даже улыбнулся, давно ему не было так весело и тепло на душе. И он тут же поймал ответную белозубую улыбку – улыбку смущения и потаённой радости от нежданной встречи. Что и говорить, военная обстановка обострила чувства и подарила ему эту необыкновенную встречу. Между тем девушка быстро и умело заштопала вспоротую осколком гимнастёрку, подала и сказала:

– Всё, орёл будет летать! Рана заживёт как на собаке, у меня рука лёгкая.

– Спасибо, иначе быть не может. Орлу надо бить гадов.

Она в ответ благодарно улыбнулась.

Лейтенант старался больше не смотреть на девушку, потому что считал, что может запросто влюбиться, а потом страдать, вспоминая её милое, свежее, как утренний рассвет, лицо. По его неверному убеждению, это могло помешать бить врага с холодной беспощадностью и мстить за погибших маму и деда.

Но обстоятельства оказались сильнее. Едва он надел гимнастёрку, в палатку вошёл молодой симпатичный военврач, улыбнулся санинструктору и сказал:

– Вижу, практика у тебя на высоком уровне. Вот твоя сумка с медикаментами. Жди оказию в полк. До встречи, мне – в операционную.

И тут же ушёл.

Многообещающая улыбка военврача взволновала Костю, и он глухо спросил:

– Случаем, не в 117-й стрелковый?

– Именно туда. Но ждать здесь не буду. Машины с боеприпасами идут одна за одной.

Проголосую.

– Тогда давайте знакомиться. Я такого же мнения. Лейтенант Константин Белухин.

– Таня Котомкина...

Костя не успел пожать руку девушке, как в перевязочную ввалились два бойца, один из которых был ранен. За ними вошла пожилая военфельдшер.

– Лейтенант, помогите уложить на кушетку этого бедолагу, – попросила она.

– Но он сам ранен... – отпарировала Таня.

Костя, не обращая внимания на слова Тани, подхватил на руки долговязого парня, из правого плеча которого хлестала кровь, видно, перебита вена, и опустил его на высокую кушетку.

– Да, ты богатырь, лейтенант! Спасибо. Свободен.

Толком не познакомившись, Костя и Татьяна тут же покинули санбат, располагавшийся на южной окраине посёлка Клинового, не подозревая, что скоро один из них снова окажется на этом месте с почерневшими от времени деревянными бараками, приспособленными под полевую госпиталь, и складом из кирпича.

– Держитесь за мной, я тут все тропинки знаю, много раз побывала за неделю боёв, – сказала Таня.

Лейтенант старался отмалчиваться всё по той же причине, не зная о том, что эта дорога потянет на целую жизнь.

– Пойдём на проселочную, лесистую дорогу, пробитую нашими снабженцами. Она против гравийной корочки почти на десять километров. Та – окружная – идёт через железнодорожный узел, давно развороченный бомбёжками с воздуха.

– Держусь за вами след в след, – сухо ответил лейтенант.

Таня искоса глянула на попутчика и чему-то усмехнулась.

– А вот и попутки! – Таня подняла руку, но тяжелогружёная полуторка не остановилась, зато тормознула следующая, тоже набитая грузом.

– Никак наша Татьяна! – заорал молодой шофёр. – В полк, что ли?

– А куда ж ещё!

– Быстро в кузов, кабина завалена мешками с сухарями.

Секундное дело и молодые люди оказались в кузове. Машина натуженно двинулась.

– Устраивайтесь на ящики, – кричал водитель, высовываясь из кабины, – в них боеприпасы. Народ кусачий, но вас не тронет!

Уселись на ящики. Скорость машины была невелика, потому трясло не шибко. Пыли хватало, не продохнёшь. Лейтенант бегло осмотрел поклажу. В продолговатом ящике лежали два новеньких пулемёта ДП, попросту именуемые солдатами «дегтярями», и боекомплект к ним. Несколько винтовок с коробками патронов. Одна с оптикой, укутана. Снайперская самозарядная. К своему удовлетворению, Белухин также обнаружил катушки провода и все приспособления для проведения управляемого взрыва. Тут же лежал в коробках тол. «Для моего будущего взвода», – подумал он. Да ведь майор-особист как раз говорил о машине и грузе с оснащением для него.

«Разыщи, на ней и поедешь», – приказал майор.

Полуторка та самая. Но где же обещанные обстрелянные сержант-разведчик и ефрейтор? Не стали ждать окончания ремонта грузовика, его, лейтенанта, и отправились с оказией на передовую, пока он перевязывался?

– Всю ночь бились с движком, – прокричал словоохотливый Танин знакомец. – Отработал, завестись-завёлся, а тянуть не хочет. Коптит как смолокурня и глохнет. Пришлось новый двигатель ставить. Майор-особист трибуналом грозился.

– Сержант и ефрейтор тебя разыскали? – спросил Белухин.

– Да, крутились, но до бомбежки уехали на передовую.

«Ах, досада! И тут наперекосяк!» – подумал Костя.

Дорога кривила меж перелесками. То ныряла в узкие тенистые проходы меж сосен и берёз, то вырывалась на обширные поляны, то тянулась по косогорам, поросшим шиповником, бузиной, жимолостью. Редко стояли кряжистые дубы. На их фоне зелёная полуторка была почти не приметна. Однако именно на таком косогоре их обстрелял «фоккер». До слуха лейтенанта долетел глухимый перелесками гул канонады. Впереди шёл тяжелый бой.

– Ничо! Прорвёмся, – прокричал из распахнутой кабины шофёр. – Осталось километра три. Правда, через открытое ухабистое поле.

Высоко в небе лейтенант заметил уже ставшую знаменитой «раму» – самолёт-разведчик и наводчик. «Фокке-Вульф», по словам полковника-инструктора учебки, появлялся на решающих участках фронта для корректировки огня артиллерии, удара бомбардировщиков. Не оставлял «тройной глаз» (три члена экипажа) и мелкие объекты: движущиеся на передовую автомашины то ли с живой силой, то ли с боеприпасами, и по ним била дальнобойная артиллерия или утюжили штурмовики-истребители. Один из них и напал на полуторку. Лейтенант видел, как «фоккер» спикировал и сбросил бомбу, но промахнулся, полуторка осталась целой. Но вражеский самолёт далеко не ушёл, развернулся и снова ринулся на них в атаку. Длинная пулемётная очередь на этот раз резанула по кабине. Шофёр вскрикнул и, окровавленный, выбросился из кабины, а грузовик стал заваливаться на правый бок под крутой откос.

– Прыгаем! Смелее!

Лейтенант схватил девушку за пояс и, можно сказать, выбросил её из невысокого кузова, и сам выпрыгнул следом. Грузовик, раскидывая ящики, дважды перевалился через правый борт и уткнулся в густые заросли бузины всё тем же правым бортом.

– Таня, вы живы? Ушиблись? – спросил Белухин.

– Ушиблась, но до свадьбы заживёт, – ответила она и бросилась к шофёру.

Он дышал, но из двух ран на груди хлестала кровь. Таня вспорола ножом гимнастёрку, собираясь перевязать раны. Но от крупнокалиберного пулемёта они оказались смертельными, и через несколько секунд пульс на шее у шофёра не прощупывался.

– Отнесём тело к машине. Берём, сколько сможем, банок с патронами, вы – автоматы, я – «дегтярь» с дисками и – в полк. Там идёт бой. Вечером вернёмся, соберём все ящики, – распорядился лейтенант.

Санинструктор не возражала. Слегка прихрамывая, она помогла Косте перенести труп шофёра к машине.

Глава 2

На передовой стоял ад. Полк отбивал очередную танковую атаку озверевшего врага. Его бесило упорство русских, стойко оборонявших неделю стратегическое направление, где вдоль железной дороги проходило широкое гравийное шоссе. У красноармейцев катастрофически не хватало солдат и командиров, выбитых непрерывными атаками немцев; боеприпасов, которые, казалось, постоянно подвозили на машинах и подводах ночами; орудий, разбитых бомбёжками и артиллерией противника; каши, сухарей и махорки. Но с избытком хватало ненависти и отваги, на которых держались последние силы полка.

В эту горячую минуту санинструктор и лейтенант с «дегтярём» и коробками с патронами нырнули в штабную землянку полка, скрытую в лесу. В неё упиралась извилистая, открытая в полный профиль траншея.

Заместитель командира полка, а теперь вынужденно командир, что-то кричал в телефонную трубку и смотрел на распахнувшуюся дверь, в которую со всей силой ворвался грохот боя. Майор свирепо глянул на вошедших и властным взмахом руки показал, чтобы они немедленно захлопнули дверь. Затем прокричал в трубку, что без подкрепления не продержится, и устался на вошедших, скорее на их груз.

– Товарищ майор, лейтенант Белухин прибыл для дальнейшего прохождения службы, вот предписание.

– Мне о тебе ночью докладывали из дивизии, но не время сейчас с тобой заниматься. Отобьём атаку, тогда. Что у вас в мешках?

– Патроны к «дегтярю», ППШа с разбитого грузовика, на котором мы сюда ехали.

– Ах, вот почему не дошла вторая машина. Патронов позарез не хватает. Где машина?

– Километрах в трёх у зарослей бузины, – отчеканила санинструктор.

– Вот что, лейтенант, бери Татьяну, две подводы в санроту и дуйте за боеприпасами. Одна нога здесь, другая там!

– Есть! – Лейтенант козырнул и тут же вместе с Татьяной вылетел в дверь, в траншею, в оглушительный грохот боя.

– Нам туда, в глубине леса санитарные палатки. Там же и тягло.

Разорвавшийся близко вражеский снаряд, обдав упругим, горячим воздухом и песчаной пылью, прибавил прыти.

Подводу удалось взять только одну, так как три телеги с тяжелоранеными бойцами ушли в тыл еще утром. Военврач, понимая, что без боеприпасов полк обречён, выделил старого мерина с широкой телегой, приспособленной для перевозки раненых. Время бежало быстро. Припекало сухое августовское солнце. Где-то там, под раскалённым диском, продолжала висеть «рама».

К полуторке, постоянно понукая мерина, подъехали к двенадцати часам. Принялись собирать разбросанные по траве ящики. Они оказались санинструктору не под силу. Лейтенант носил один, девушка только отыскивала следующий. Пыталась подхватить за ручку, делала несколько шагов и спотыкалась. Лейтенант отбирал ручку, брал ящик на себя и, едва ли не бегом, с мокрой от пота спиной – к телеге.

– Вы лучше сухари из кабины выньте и к телеге несите, – сказал лейтенант, обливаясь потом.

С тревогой в душе слышали усиливающийся гул боя. Особенно часто били вражеские пушки. Полчаса назад было тише. Встревожились: устоит ли сегодня полк? По словам санинструктора, в ротах осталось по два-три десятка бойцов. Бутылки с зажигательной смесью кончились, гранат противотанковых в обрез. Кстати, в кузове были два ящика «лимонок», столько

же противотанковых гранат, но всё больше патроны в запаянных цинках и – три коробки мыла. Что несказанно удивило Таню.

– Это тол, товарищ санинструктор, и взрыватели к нему. Пока всё это богатство оставим здесь. Замаскируем. Повозка-то одна, всё не увезёшь.

Торопливо, слыша нарастающую танковую стрельбу, тронулись, выскочили из лесочка на поляну, скатились в ложбинку и тут появился проклятый «фоккер». Он шёл низко, бояться некого! И ударил прицельно. Шальная пуля вспорола бок лошади. Она тут же рухнула. Тане показалось, что слышит смех удачливого и ненавистного фашиста, и кубарем свалилась с подводы.

«Фоккер» развернулся, чтобы расстрелять лейтенанта и санинструктора. Но Белухин успел вооружиться вторым «дегтярем» и в упор всадил очередь зажигательными под брюхо самолёта – этакого радостного покорителя Европы. Машина взмыла вверх, с разворотом на запад, но тут же вспыхнула. Видимо, пуля угодила в бензобак.

– А-а, стервец! Налетался, наскалил зубы! – вскричал лейтенант.

И подумал: не зря выбор возглавить диверсионную группу упал на него, как на стрелка, бьющего в десятку.

На стрельбах в училище приезжий полковник-инспектор из органов разведки сразу же обратил на курсанта внимание. Попросил повторить стрельбу по новой мишени. Костя всадил пули в десятку.

– Чья это мишень? – спросил полковник.

– Курсанта Белухина, – ответил начальник училища. – Таков его почерк из любого оружия, товарищ инспектор. Белухин, ко мне!

Рослый и стройный курсант с короткими русыми волосами выскочил из строя и бегом направился к командирам.

– Товарищ генерал, курсант Белухин по вашему приказанию прибыл, – козырнул Костя.

– Где так научились стрелять? – спросил инспектор.

– В тирах, товарищ полковник, когда на пиротехника собирался учиться в столице. Для кино.

– В тирах многому не научишься, – усомнился полковник, – там мишень почти под носом.

– Глаз и рука у него от отца – красного командира, к сожалению, погибшего в Туркестане. Словом, стрелок, минёр, спортсмен и полиглот, – доложил горделиво начальник училища.

– Какие знаете языки?

– Немецкий, французский и немного английский, товарищ полковник.

– Такой молодец для нас подходит. Забираю, товарищ генерал. Кто ещё десятку выбивает?

– Стреляют неплохо, но в десятку редко. Опыта мало.

Инспектор посмотрел документы курсанта Белухина. Отец, красный кавалерист, погиб в Туркестане, мальчик рос с матерью и дедом в одной из деревень Сибири, остался доволен и выдал начальнику училища предписание: отправить курсанта на базу разведывательного управления для особой подготовки. Назавтра Белухин отбыл в Подмосковье, где в лесном массиве с часовыми на вышках шло изнурительное обучение курсантов, собранных отовсюду, стрельбе из различного оружия, в том числе из снайперской винтовки, рукопашному бою, владению вражеским оружием, разведке, ориентировке на местности, выносливости и многому другому, о чём Костя даже не мог подумать. Преподавателю-полковнику, что нашёл его в училище, понравилось увлечение курсанта пиротехникой с гражданки.

– Это будет ваш козырь в будущих операциях, и конечно же безупречная стрельба.

Полковник оказался прав. Горит первый стервятник где-то в лесу...

Таня сидела на земле и плакала то ли от радости, то ли от горечи: как же они повезут это военное богатство на передовую, которая к этому часу, по всей видимости, уже смята? Рёв вражеских танков сюда доносился отчётливо и уходил в сторону шоссеиной дороги, ведущей к железнодорожному узлу, давно разбомблённому авиацией.

Лейтенант по-своему понял слёзы девушки, слыша танковый гул почти без пушечного огня.

– Вы дрались в полку не один день, знаете его боеспособность, считаете, оборона провалена и немцы уходят вперёд, не встречая сопротивления?

– Нет, я так не подумала, я от радости за меткий «дегтярь». Помогите мне встать.

Лейтенант подал руку, поддержнул девушку. «Пушинка», – подумал Костя. Она вскочила, и резкая боль в правой ноге вызвала короткий вскрик.

– Что с ногой?

– Видать, сильно потянула сухожилия, когда спрыгнула с повозки под огнём «мессера».

– Это не «мессер», а однопилотный истребитель «Фокке-Вульф». Давайте помогу снять сапог, посмотрим.

У них то и дело с официального «вы» речь скатывалась на «ты».

– Помогите, я так боюсь всяких болей, но буду терпеть. – Она умоляюще смотрела на лейтенанта. Скорее всего, с любовью. За сбитый самолёт врага? Или от того, что он молод, симпатичен, с короткой стрижкой под пилоткой, светлоглазый и такой сильный? Нет-нет, она даже и подумать не могла, что он мог её бросить, и так умоляюще смотрела? Если бы у неё появилось такое сомнение, она бы просто возненавидела себя за слабую веру в товарища. Она знала, что вера эта могучая, нестигаемая даже при самых страшных обстоятельствах, под влиянием которых у кое-кого вызревает предательство, с чем, к сожалению, ещё придётся столкнуться. Нет, она так нежно смотрела на него, что за этим угадывалось зарождение первой девичьей любви. Но лейтенант тогда не понял этого взгляда и сосредоточил всё свое внимание на травмированной ноге санинструктора. Он умел вправлять вывихи, учили в лагере, не раскрывая будущее назначение каждого, кто был с ним в группе.

– Это не вывих стопы, – сказала Таня, когда сапог был снят, – это хуже. Сильно потянула связки, болеть будет несколько дней. Надо наложить шины и двигать к передовой.

– Шины не проблема, есть ли смысл идти к траншее? Там хозяйничают немцы, убирая своих и добывая наших раненых.

Тане показалось, что в его голосе послышались нотки скорби и уныния.

– Вы боитесь?

– Товарищ санинструктор, прошу больше никогда не произносить это гадкое слово! – резко сказал лейтенант, и в его светлых и беспокойных глазах коротко полыхнула злость, но от сострадания к девушке быстро улетучилась. – Да, я боюсь быть быстро убитым, я пока не испытывал страха во время бомбёжки или атаки. Не привелось, но это не значит, что я трушу. Мы обязаны выжить и драться до последнего дыхания, до последней капли крови, чтобы не осталось сомнений в упущенных возможностях. Меня кое-чему в училище научили, а подготовленный боец – это главное оружие, не подготовленный – пушечное мясо.

– Прости, Костя, выдала, не подумав, – извиняющимся тоном ответила Таня, слегка кривя алые детские губы от боли в ноге. – Да, здравый смысл – прежде всего. Но ведь мы можем под покровом ночи кого-то спасти от потери крови, от смерти, словом.

– В твоих словах есть резон. Дело к вечеру. Чертовски долго мы грузили подводу. Что подумает майор? Теперь бы груз спрятать от постороннего глаза, загрузиться патронами и за ночь попытаться догнать своих.

– Товарищ лейтенант, но передовая совсем рядом, меньше километра, – говорила Таня умоляющим грудным голосом, но вместе с тем звучащим настойчиво. – Я обязана отыскать раненых и помочь. Может быть, кто-то уцелел. Не могли же погибнуть все. И тогда – на прорыв.

Лейтенант долго молчал. У него не было боевого опыта, но он знал из рассказов раненых фронтовиков, как опасно появляться на поле боя, занятого врагом. Заметят, никакой «дегтярь» не поможет. Окружат и уничтожат. И цена этой смерти – несусветная глупость.

– Нет, санинструктор Котомкина, с растянутой стопой вы останетесь здесь, а я проведу разведку, – с волнением сказал Костя.

Но ни того ни другого сделать не удалось. Едва лейтенант наложил шину на ногу подруге и завалил ветками подводу, как по просёлку, с которого они всё же успели съехать в ложбину, протарахтела вереница мотоциклов с пулеметами, за ними потянулись легкие бронемшины и крытые грузовики с солдатами. Оттуда доносились маршевые песни, игра на губных гармошках. Со стороны траншеи полка слышалась трескотня автоматов. Добивали раненых.

Медленно надвигались сумерки, а по знакомому просёлку всё шли и шли захватчики.

Глава 3

Они лежали под телегой тихо, как мыши. Лейтенант пристроил оптический прицел к винтовке и в просвет между ветками наблюдал за движением врага. Этой массе войск было наплевать, что творилось рядом. Но Костя был уверен, пройдёт какое-то время, появятся солдаты из похоронной команды, что зачищала передовую от раненых, и наткнутся на заметную со стороны кучу веток. Тогда придётся принять бой и подороже продать свою жизнь. Но такой план для лейтенанта не годился. Он не собирался так быстро умирать, не для того прошёл спецподготовку на базе разведывательного управления. Обязан драться, выживать в любых условиях, оправляться и снова наносить удары по врагу. Жаль, не было карты местности. Придётся изучать нюхом. Молодость, прошедшая в таёжном поселке, советы и подсказки деда помогут ему и здесь быстро разобраться в лесной глухомани. И эта глухомань станет теперь его безотказным надежнейшим другом и помощником.

– Таня, как твоя нога? Распухла. Нам надо засветло перебраться в лес. Здесь опасно. Ты сможешь ползти?

– Попробую. Чему-то же я научилась на передовой в боях! – И она сноровисто двинулась за лейтенантом.

Через полчаса они укрылись за разлапистыми клёнами, что росли в лощине, уходящей к густому смешенному лесу.

– Будь пока здесь. Немцы сюда не сунутся. Я мотнусь за кашей, сухарями и, главное, за боеприпасами. Попробую надежно перепрятать, часть принесу сюда. Рано утром уйдём в глубь леса, найдём хорошее убежище.

– Но вы, товарищ лейтенант, собирались прорваться к своим.

– И сейчас не отказываюсь. Но не ползком же с вашей ногой по тылам врага. Подживёт – двинем. И вот ещё что. Сейчас птицы не поют, скоро осень, но кедровка криклива днём, а выпь ночью.

Лейтенант показал крик кедровки.

– Чтобы ты знала, что иду я, а не немец. Это на всякий случай. Потом научу и тебя. Сейчас перекусим кашей, сухарями, и я пойду.

– Я только сейчас поняла, что жутко проголодалась. За весь день – ни крошки во рту. – Таня натянута улыбнулась.

– Я тоже, – улавливая настроение девушки, бодро ответил Костя, – когда почувствовал, что мы в относительной безопасности до утра.

До телеги было рукой подать. Метров пятьсот. Лейтенант стал прятать в кустах ящики с гранатами, толом, цинки с патронами, прикрывая их прелой и свежей травой. Но большую часть оружия вместе с мешками сухарей и банками с кашей перенес под клены и там тщательно укрыл от посторонних глаз, насколько позволял тусклый свет луны. Чертовски устал. Спина мокрая от пота парила, как после веника в горячей бане. Ноги тряслись и подкашивались. Он никогда не считал себя слабым физически, был натренированным, с упругими бицепсами. Постоянно качал мышцы, марш-броски с полной выкладкой в лагере давали перцу, но ноги никогда не тряслись. А тут от лихорадочно быстрой работы, в полусогнутом состоянии перетаскал и укрыл тонну груза, то большей частью неся перед собой, когда надо было продираться сквозь заросли клена, то на горбу – в открытом месте бегом. Разбередил рану, чувствовал – закровавила. И все без передыху, боялся не управиться к свету. Подумалось: «Это тебе, лейтенант, не учебка, где не было опасения неожиданной стычки с врагом, а боевая обстановка. Вот она какая, изматывающая психологической нагрузкой». Он даже ни разу не вспомнил о своих погибших родных, все мысли занимала суета с переноской военного имущества, доставшегося теперь ему с Таней. И только, когда спрятал последний ящик с патронами, шевельну-

лась мысль, что с таким арсеналом он жестоко отомстит за гибель родных и за поруганную землю Отечества.

Таня, нахохлившись, как раненая орлица, сидела на единственной шинели погибшего шофёра и не сомкнула глаз, баюкая ушибленную ногу, боясь за Костю и сочувствуя ему из-за своей беспомощности. Она, как и он, знала: чем меньше будет двигаться, тем быстрее спадёт опухоль и нога восстановится, тогда можно прорываться к своим.

– Ну, кажется, перенёс всё. Можешь спать. Я даже приказываю спать. Мы должны быть сильными и всегда в форме.

– Я вас не понимаю, товарищ лейтенант, зачем столько боеприпасов, вы что, собрались партизанить?

– Посмотрим. Заживёт нога, решим. По возможности, будем совершать диверсии в тылу врага, – несколько отвлеченно ответил Костя.

– Но нас только двое...

– Все погибнуть не могли. Кто-то ушёл в леса. Найдём и сколотим группу. Ничто не сближает людей так, не роднит их, как совместное дело или поставленная цель. Всё, спать, через два часа – рассвет. Завтра поговорим на эту тему. А по свету посмотришь мою рану – разбередил ящиками. Всё!

Лейтенант вплотную придвинулся к спине санинструктора и тут же уснул, подложив под ухо правую руку с часами-будильником, который Таня давно заметила. Он спал тихо. Дыхания почти не слышно. А она долго не спала. Чувствовала тепло от его крепкого мускулистого тела и думала о нечаянной, но счастливой встрече, о любви к нему.

«Нашла время, – ругнула она себя, смотря в темень и прислушиваясь к ночным шорохам. – И вообще надо выбросить из головы эти мысли. Но я так молода и не знала ни одного мужчины...»

– Товарищ Таня, нам пора. Восток синееет.

Она вздрогнула и чуть не закричала от неожиданности и страха. Он прикрыл ей ладонью рот. Она была широкая, на всё лицо, и горячая.

– Выползай из-под клена, дальше понесу на спине.

– Этого не хватало!

– Вынужденная мера. Дорога каждая минута. Ты же на себе выносила раненых с поля боя – почему я не могу?

В молочном рассвете Таня увидела на лице товарища печать заботы и беспокойства. Она едва сдержалась от похвальбы в свой адрес. За неделю упорных боёв она вынесла с поля боя, часто под огнем врага, больше двадцати бойцов, среди них одного офицера, которого ночью вместе командиром полка отвезла в дивизионный госпиталь, двух сержантов. Шестнадцать были тяжелораненые. Известно, что такой раненый тяжел как куль с песком. Он почти не управляет своим телом. Тащила их вместе с оружием. Вес же у самой вместе с амуницией всего сорок килограммов. По только что рожденному и быстро дошедшему до передовой Приказу № 281 о награждении санитаров и медсестер, ей полагалась медаль «За боевые заслуги». И по горячим следам она была представлена к награде. Об этом ей сказал политрук полка вечером перед отъездом в санбат. Таня смешалась, горячо поблагодарила капитана и совсем не по уставу проговорила: «Я старалась спасти жизни своим боевым товарищам».

«Вот за такое старание и награда! Ты у нас такая первая. Наградную утром отправил в дивизию. Жди».

Где теперь эта наградная? Разве о ней речь, хорошо, что смолчала. Сейчас о другом думать придется, как скорее встать в строй.

– Ах, какая я вам обуза!

– Ничего не поделаешь, хорошо, что у тебя ещё не ранение от пулеметов этого «фоккера». Нас двое, а двое – не один. Дух выше. В марше молчок, надо экономить силы.

– А как же рана? Надо же посмотреть и перевязать.

– Придём на новое место – тогда.

Лейтенант нагрузился под завязку. Таня на спине коленками ему в подмышки – почти бараний вес. Но на девушке висела винтовка с оптикой и рюкзак, набитый цинками, банками с кашей, сухарями в мешке. У него на груди висел «дегтярь» с полным диском, автомат ППШ, а на поясе запасные диски. Всё это тянуло на добрый центнер. Марш-броски с полной выкладкой в училище, в лагере, а теперь настоящий, боевой – младенцы против богатыря. Но он шёл твердо, размеренно экономя силы. Хотя знал, что в этот ранний час их никто не потревожит, но подстраховаться никогда не грешно. Он хорошо помнил наставление полковника. Потом эту мысль внушал Тане и не раз. А заключалась она в том, что полковник – боевой офицер царской армии, умудренный опытом и великолепно теоретически подкованный, говорил: «Никогда не ставьте врага ниже своих способностей, но будьте всегда уверены в своём моральном превосходстве, от чего ваши силы увеличатся. Врага надо понимать, знать его повадки, сильные и слабые стороны. Если не будешь знать – быстро на смерть напорешься. Ищи его слабую струну, бей по ней во всю свою силу. Он занервничает, станет ошибаться и сам подставится под удар».

Это наставление Костя запомнил основательно. Он же сейчас ничего не знал о враге, а также о местности, где находился. Могла помочь карта. Насколько мал или огромен по площади лес, в который он торопился войти; где сейчас наши части; как глубоко они с Таней оказались в тылу врага? Все эти, пока не разрешимые вопросы давали право на перестраховку. Разумную, конечно. Иначе ты – пленник страха, он вцепится в тебя клещами, и ты не активный боец, а смертник. Жизнь его сейчас ценилась куда дороже, чем, скажем, сутки назад. Его смерть повлечёт смерть его боевого, пока единственного товарища, а то и плен. Надругательство. Потому лейтенант действовал так, а не иначе.

Он вошёл в лес и стал отыскивать глубокую балку, заросшую деревьями и кустарником, куда можно было бы перенести военное имущество и оставить там санинструктора. Вместе с тем мысли его были заняты обстановкой в районе незнакомой ему железнодорожной станции, которую немцы благополучно восстановят и будут гнать через неё вагоны с техникой, продовольствием, цистерны с горючим. Думал он также о том, как создать крепость в облюбованном им местечке на случай карательной атаки фашистов. А она последует. Отсидиваться в лесу лейтенант не собирался.

Скорее бы зажила нога у Тани. Но она что-то невероятно распухла за ночь, посинела.

«Порваны сухожилия, как бы девушка не осталась хромоногой», – подумал лейтенант. Про свою рану тоже не забыл. Там слегка пощипывало. Устроятся, Таня посмотрит и перевяжет.

– Неужели я разорвала ахиллово сухожилие? – со страхом сказала Таня, сжимая перед невысокой грудью кулачки.

– Похоже, – согласился лейтенант, – к счастью, мы тут же приняли меры, туго наложили шины на стопу. Потому, товарищ Таня, два дня лежать!

– Я понимаю, это самый короткий путь не быть обузой, и подчиняюсь, – с некоторой дрожью в голосе ответила девушка.

– Вот и славно, не придётся применять командирский голос.

Таня снисходительно улыбнулась.

– Товарищ Таня, – ровным голосом сказал лейтенант, – мы – боевое подразделение, а в нём всегда должен быть командир, и приказы его должны выполняться без оговорок. Пока сумеречно от плотных облаков, я двину за боекомплект.

– Ну а рана! Нельзя запускать, если кровотоцит!

– Правильно! – и стал расстегивать гимнастерку.

Таня сноровисто сняла повязку.

– Есть покраснение, обработаем соляным раствором. Щиплет? Ничего страшного. Постарайся, Костя, на этом плече день-два ничего не носить. Быстрее заживёт.

– Есть, товарищ санинструктор. Так, я в полной боевой, – шутил он, надевая гимнастерку с помощью Тани, – осталось затянуть портупею. И я пошёл.

Костя мотался к клёнам всё утро. Перенёс только часть, но весь драгоценный тол, взрыватели, катушку провода с адской машинкой, гранаты и всю провизию спрятал в укромном месте, куда разумный человек добровольно нос совать не станет. Сухари и консервы – рядом с ними.

– Теперь пора подкрепиться всухомятку – и на поиски воды.

– Да, наши фляжки почти пустые. Кстати, в машине я видела канистру со спиртом. Он бы нам очень пригодился.

– Спирта нет, вытек. Канистру для воды принёс.

– Мы обеспечены почти, как Робинзон.

– Только условия довольно разные. Мы в тылу у лютого врага и надвигается осень с холодными ночами, а мы в летней форме.

Они дружно хрустели сухарями, жевали перловую жирную кашу. Скупно запили остатками воды.

– Ну вот. С голодным можно равняться, – сказал Костя, – теперь, товарищ Таня, дневалить, а я часок отдохну, восстановлю силы.

Он дремал, а она, прислушиваясь к шуму леса, к его сочному и приятному, даже несколько пряному запаху, неотрывно смотрела на него. Нога почти не беспокоила, но опухоль не спадала. Рано, и суток нет, как она резко подвернула ногу, сиганув с подводы под пулемётным огнем. Она думала о Косте. О том обычном во фронтовой жизни знакомстве, и вместе с тем невероятном, возможно, судьбоносном. Вторые сутки вместе, а кроме звания, имени и фамилии о нём, больше ничего не знала. Правда, Костя сказал «по секрету», что его готовили совершать диверсии в тылу врага. Потому он такой выносливый и отличный стрелок. Сбил «фоккера»! Это ж неслыханная удача! Случайностью такой выстрел быть не может. Он бил прицельно. А ДП – оружие грозное. Бил зажигательными пулями. Словно заранее готовился. Да-да, он готовился, он готов ответить ударом на удар и очень мощно! Скорее бы заживала нога, и она – его второй номер. Возьмётся изучать снайперскую винтовку, Костя научит бить в цель.

Она вздрогнула, услышав тихий мелодичный звон часов. Час пролетел, как одно мгновение. Лейтенант открыл глаза, сел.

– Как там за нашим логовом, товарищ Таня?

– Спокойно, товарищ Костя, слышны только легкий шум леса да безголосые запахи.

– Ну что ж, огляжусь и – ноги в руки. Мне кажется, мы находимся на какой-то возвышенности, уклон идёт в сторону предполагаемой станции.

– Да, по моим соображениям, железная дорога севернее нас. И не очень далеко. Я только однажды проезжала по шоссе и заметила рядом со станцией мост для машин и железнодорожный. Он тогда был цел. Там течёт небольшая речка.

– Это уже кое-что, товарищ Таня. Вот пара «лимонок» на всякий случай. Знаешь, как пользоваться?

– Знаю, – с дрожью в голосе сказала Таня. – Возвращайтесь скорее, товарищ лейтенант.

– Как только разыщу воду и налью целую канистру. Заодно подыщу запасную позицию. Глубокую разведку проведу завтра на рассвете. Ночью без компаса лучше не ходить, да по незнакомой местности. Глаза ветками выколешь.

– Я заметила, ваши часы с компасом?

– Не очень надежен, барахлит.

Он встал, подхватил «дегтярь», сунул в рюкзак два запасных диска и, низко пригибаясь от веток, шагнул в опасность.

– Удачи, Костя!

– К чёрту! – откликнулся и бесшумно исчез, стараясь не оставлять на траве следов. И в нескольких метрах от ночлега напоролся на группу своих, вместе со знакомым офицером-особистом. Никудышнов был ранен в ногу, опираясь на палку, шёл сзади двух бойцов.

– Товарищ майор, я вас знаю. Стойте! – спрятавшись за дерево, крикнул Белухин.

– Ложись, к бою! – последовала команда, и все трое упали на землю, подставляя неизвестному человеку бока.

– Не стрелять! Я лейтенант Белухин. Два дня назад я с вами разговаривал в штабе дивизии.

– Как я могу тебе поверить? Покажись!

– Уберите пистолет, тогда покажусь. Поостеречься в тылу не грех.

– Как ты разговариваешь со старшим по званию, да я тебя...

– Не вы меня, а я вас мог бы срезать одной очередью из «дегтяря». Как вы здесь оказались? Штаб находился гораздо восточнее.

– Не тебе меня допрашивать.

– Как хотите, но вы у меня под прицелом.

– Ладно, я помню твой голос. Но ты должен был драться в составе полка, а празднуешь, как видно, здесь труса.

– Он не трус, он сбил из ДП «фоккера», – неожиданно раздался голос Тани. Она стояла в нескольких метрах от лейтенанта, опираясь на винтовку. – Я вас тоже знаю, товарищ майор. Вы Никудышнов из особого отдела дивизии, допрашивали меня по поводу пулевого ранения одного бойца в спину.

Эта неприятная история с разжалованным за пьянку старшиной во время службы в роте по охране продовольственных складов врезалась в память Котомкиной надолго. Разжалованный в рядовые старшина попал в полк стрелком за месяц до появления в нём санинструктора. Таня слышала о нём нехорошие разговоры, якобы его сразу же взял на карандаш майор Никудышнов в качестве сексота, как выражались бойцы. По его доносу арестовали двух молодых бойцов за трусость. Они не нашли в себе силы и не пошли в атаку в составе роты в свой первый день на передовой. После беседы с замполитом, понюхав пороха, оба парня на завтра ходили в атаку едва ли не первые. И вот разжалованный получил пулю меж лопаток в одной из контратак. Таня его перевязывала. Он был обречён на смерть и попросил девушку сообщить в особый отдел, что его подстрелили свои же. Таня быстро не смогла выполнить просьбу умирающего – шли изнурительные оборонительные бои. Майор Никудышнов сам прибыл в полк и допрашивал Котомкину о характере ранения. Она подтвердила, что ранение пулевое. На вопрос: «Кто это мог сделать?» – санинструктор, разумеется, ответа не знала. Майор стал допрашивать бойцов взвода, в котором числился разжалованный. То, что взвод таял на глазах от натиска фашистов и контратак защитников, майора-особиста интересовало мало. Он так и уехал в дивизию ни с чем, провожаемый недобрыми взглядами бойцов.

– Это уже теплее, – сказал майор, поморщившись, поднимаясь с земли и опуская пистолет. Рядовые последовали за ним. – Как старший по званию и по должности, я обязан вас допросить: что вы тут делаете и как тут оказались?

– Мы ехали в полк на полutorке с боеприпасами. В трех километрах от траншеи нас обстрелял «фоккер». Водитель погиб. Мы все же добрались до передовой с мешками патронов, – сдержанно отвечал Белухин.

– А что за сказку рассказывает санинструктор про сбитый «фоккер»?

– Это не сказка, я его сбил, когда он второй раз атаковал нас. Мы везли на телеге боеприпасы в полк. Но полк погиб.

– Да, полк героически дрался и погиб. Вы же, я так полагаю, труслили и в полк не явились. И сейчас сочиняете небылицу про боеприпасы и телегу. Я вынужден вас арестовать за трусость.

– Но-но, товарищ майор, я бью без промаха. Как вы горазды на аресты! И снова повторяю: по приказу командира полка везли боеприпасы с разбитой машины на телеге в полк!

– Так, что же вы намерены теперь делать? – смирившись, спросил майор.

– Сначала вас накормить, а потом вместе с вами драться в тылу врага.

– Вы пойдете с нами пробиваться к своим, а там разберёмся.

– Мы не можем сейчас идти. Санинструктор сильно повредила ногу и ей ходить категорически запрещено несколько дней.

– Ерунда, приказываю сдать оружие и идти впереди нас.

– Вы ранены, и мы не сможем вынести человека по тылам врага к нашим. Мы будем драться здесь. А там будет видно. Санинструктор, перевяжите майора. Потом мы их накормим кашей с сухарями.

– Откуда они у вас?

– Всё с той же разбитой полуторки.

Майор, тяжело опираясь на суковатую палку, а за ним бойцы пошли за Таней к биваку. Раненый майор, опасливо оглядывая заросли, с трудом опустился на землю. Таня подседа к нему, распахнув санитарную сумку, сняла порванный осколком правый сапог, завернула разрезанную гачу, оголив рану на мышце. Она была не глубокая, но рваная, с запекшейся кровью. Осколочка не видно.

– Рана неопасная, товарищ майор, стала подсыхать. Но где же осколок?

– Рядовой Кущин помог снять мне сапог. Осколок торчал там. Боец его ножом зацепил и выдернул. Я взял его на память. Вот он, у меня в кармане.

Майор, кривясь, достал синеватую, с тыквенное семя, пластинку.

– Вам повезло, – сказала Таня, – осколок был на излете, иначе пробил бы мышцу до кости и сидел бы там, как горячее семечко, разжигая рану. Кто перевязывал?

– Кущин.

– Парень немного перестарался, сильно перетянул сосуды... – Таня всматривалась в рану. – С одного края пошла едва заметная синева.

– Что, гангрена? – испугался майор.

– Пока нет ничего страшного, вовремя вы на нас вышли. Сейчас я обработаю рану раствором из соли, как это делала утром лейтенанту. Он снимет зачаток воспаления. Через пару дней заживёт как на собаке.

– Как выражаешься со старшим по званию?! – вспылил майор.

– Простите, товарищ майор, за такое сравнение. Но рана требует обработки, перевязки и ухода.

Таня говорила, а руки её, словно две чайки, летали над ногой офицера, обрабатывая неглубокое повреждение мышцы. Она достала из сумки склянку с раствором, смочила им кусочек хлопчатобумажной ткани, наложила на рану, забинтовала. Затем снова натянула на ногу сапог.

– Вам бы денек-два не двигаться, товарищ майор.

– Нет, мы не можем отсиживаться, как вы, пойдём на прорыв.

– Вам виднее, – сказал лейтенант, извлек из тайника по банке тушёнки, сухари и подал рядовому. – Ешьте плотно и двигайте, коль такое решение. Я иду на разведку, пока день. У меня ни карты, ни бинокля, ни компаса нормального.

– Вы держите меня под прицелом, потому вынужден отпустить, а то бы я с вами детально разобрался.

– Ну вот, вы мне снова угрожаете, а я никому – только фашистам. Завтра ударю по станции. Не попадите в облаву. Удачи, – пасмурно сказал Костя.

Конопатый, ниже среднего роста, как и майор, плотный боец Кушин неожиданно вскочил, держа банку и ложку в руках, порываясь к Белухину.

– Товарищ лейтенант, а я бы остался. Вижу, вы боевой офицер.

– Отставить, рядовой Кушин! Кто меня будет охранять, я ранен.

– Я в вашем ранении не виноват. Все беды от командиров.

– Отставить паникёрство! – резко сказал майор. – Оно трибуналом пахнет.

– А что, неправда? Мне дали команду – я в бой пошёл впереди вас и одного обер завалял. Он в вас из пистолета целился. Ещё секунда – и хана! Я вас спас, а вы мне трибуналом грозитесь. За что? За танки, которые смяли нашу роту на подходе к передовой?

– Ладно, рядовой, забудем плохое. Надо думать о будущем.

– Я бы взял тебя, но ты в команде майора, тем более раненого, – ответил Белухин, сожалая. – Не обижайся, мне пора.

Возня с майором и его бойцами отняла у Белухина драгоценный час. После сытной трапезы, дав группе несколько банок каши и сухари, лейтенант проводил майора и, зная коварство особистов, держа его под прицелом, указал примерное направление, где может быть передовая, некоторое время выжидал: не вернуться ли те назад? Затем торопливо отправился выполнять свою задачу.

Глава 4

Майор Семён Никудышнов после перевязки шёл ходко, опираясь на суковатую палку. Нелепая фамилия, по семейному преданию, досталась от злоязычного помещика его прадеду, и Сене она не нравилась. Напротив, он считал себя смышлёным парнем и очень любил свою персону, безгранично веря в удачу, как в неизбежный летний дождь, орошающий ниву, на которой в результате созреет хороший урожай.

В тот роковой день прорыва обороны он получил предписание явиться в штаб армии для работы в особом отделе. Но командир дивизии бросил его на передовую с ротой новобранцев для подкрепления 117-го полка.

– Поможешь отбить атаку, вернешься и отправляйся по предписанию, – приказал комдив.

Вяло ответив «есть», майор возглавил подкрепление, оставшись жутко недовольным тем, как комдив затыкает дыры высокой персоной, какой считал себя Семён. Новое назначение – это очередная удача – повышение в должности и в скором будущем в звании, а ему всего лишь неполные три десятка лет. Он всегда гордился тем, что вышел из самых батрацких низов. В отрочестве голодовал и унижал себя попрошайничеством. В стране свирепствовала Гражданская война. Парнишка подался в красноармейцы, не взяли – мал ростом, годами не вышел, сопляк, словом. Тогда ему исполнилось всего четырнадцать. Отец, вернувшийся с германской войны инвалидом, беспробудно пил и промотал своё хозяйство, оставшееся от деда. Дед был и вправду никудышный хозяин. Сеня слышал, как на хуторе его называли несусветным лодырем. Земельный клин после реформы крепостничества дед имел солидный, трудись только, зарабатывай на жизнь, собирай понемногу казну, покупай тягло – паши, сей, выходи в люди. Не вышел. Любил больно «репу» почесать на завалинке, власть материть да запивать хулу бражкой.

Семён гораздо позднее понял вину деда и отца за потерю хозяйства, а тогда не задумывался: почему одни живут справно, другие – впроголодь. Злоба на сытных да удачливых мужиков вызрела в нем с малолетства, а вместе со злобой унаследовал он от деда и отца ловко языком молоть, неумную зависть да праздность.

В хождениях по хуторам, голодая и попрошайничая, он наткнулся на мельницу, чудом не разграбленную ни белыми ни красными. Мельник Иван Ухватов умел ладить и со старой, и с новой властью. Средних лет ладный мужчина и крепкий хозяин нуждался в рабочих руках: он и два его сына не успевали управляться с хозяйством. Нанять некого. Одни мужики были забриты белыми, другие – красными. Старшему сыну Мите тогда стукнуло шестнадцать, Грише на год меньше. Гибкие пока что сыновья, особенно Гришаня. От тяжелой рабочей нагрузки стараются не гнуться ребята, но отец видел – прогибаются спины, но терпят, не стонут. Иван по возможности щадил их, не загонял, как лошадь иной всадник, убегая от погони. Потому мельник на просьбу оголодавшего Сеньки – подхарчиться работой, откликнулся с охотой. Стал обучать его ремеслу мельника, но скоро понял, что мальчишка делом не больно-то интересуется, все поручения выполняет спустя рукава. Огорчился, но прогонять не стал, пожалел, мол, виновата его молодость, со временем войдёт во вкус работы, и леность незаметно истает, как первый снег. Оказалось, напрасно надеялся. Целый год с понуканиями протолокся Сенька у мельника. Кое-чему научился, больно полюбились поездки на конях по разным крестьянским делам. Особенно в районное село, где жизнь кипела и куда стекались хлебные потоки сначала продразверстки, потом продналога под жестким контролем красноармейского отряда с комиссаром Дронским. Ходил тот в щеголеватой кожанке, блестящих сапогах и с маузером в деревянной коробке, внушительно висящей на хромовой портупее. Сеня ухватисто брал вожжи, кнут и сноровисто правил коренником и пристяжной лошадей, если поклажа бывала солидной. Ему нравилась власть над животными, скорая езда, то, как сыпал

перцем на холки коренника звучные удары плетью. Мельник иной раз покрутит головой, мол, не в меру горячит парнишка коней, крикнет, а то и скажет:

– Щади, Сеня, конев, больше щёлкай плёткой, а не бей. Они и так несут скороходно.

Сеня унимал свою прыть неохотно, а ему хотелось озоровать, гнать сытых лошадей во всю их мощь. Однажды по осени, приехав в село Благодатское, мельник ушёл в контору, а Сеня остался сторожить бричку с мешками муки, часть предназначенной для гашения продналога, который заменил продрозверстку, часть для продажи в частную пекарню. Вдруг возле его брички закрутились конные красноармейцы. Парнишка с пугливым интересом в глазах уставился на комиссара. Тот весело окликнул его:

– Никак, батрак Ухватова к нам пожаловал?

– Он самый.

– А что ж спужался?

– Я не спужался, я кожанкой да маузером залюбовался, – смело ответил Сеня.

– Нравится?

– Ещё бы!

– Я вижу, ты парнишка смысленый. Будешь нам активно помогать – и ты такой кожан оденешь.

– Я таким людям завсегда рад услужить. Только как помогать?

– Наблюдай за Ухватовым. Куда этот эксплуататор хлеб от счетной комиссии прячет? Не собирается ли власть обмануть с продналогом? заметишь, услышишь что-то, сообщи. Глядишь, в почете у меня будешь.

На крыльце конторы показался Иван Ухватов и красноармейцы, гикнув, отвалили.

Подошёл Иван, хмуро спросил:

– Что за интерес у комиссара к тебе?

– Спросил, кому муку мельник привёз? Продналог гасить, – ответил я.

– Молодец! Правь лошадей к амбару, – сказал мельник, усаживаясь на бричку.

С тех пор у Сени ушки на макушке. Любой разговор между сыновьями старался подслушать. Только кроме дела мельник ничего постороннего не говорил. Но однажды до ушей Сени долетело. Под вечер, уставшие от молотбы снопов, Ухватовы собрались в амбаре, сбрасывая с плеч на штабель мешки с зерном. Сеня был послан в конюшню, задать лошадям в торбы овса.

– Утречком кум со старой заимки проездом был. Грит, недобор зерна у комиссара. Побора жди, как годом раньше. Сказал и уехал, – молвил Ухватов старший.

– А у нас амбар едва ли не под потолок зерном забит – ноне колос тяжёл, – отозвался Митя.

– Придётся в лесу излишки прятать. Оставим только норму на едока, а налог мы покрыли полностью, – решил мельник.

– Увезти и спрятать могём зараз, только глаза посторонние есть.

– Я уж не раз каялся, что взял, окаянного, на свою голову. Отправлю его в район, а сами ночью – в лес.

– Всё равно опасно, тятя. Батрак наш всюду шнырит. Увидит – ополовинился амбар, донесёт.

– Вроде не должен. Считаю, от голодухи его спасли. Сыт, обут, одет, да ещё хлебом отовариваем. Где бы он столько заработал?

– Всё так, тятя, лодырь несусветный он. А у лодыря – душа продажная. Душонка Иуды, – донесся до Сени приглушенный расстоянием ехидный голос Мити, который чаще всего толкал в шею зазевавшегося, медлительного батрака.

– Ну погоди, ты у меня попляшешь, – сквозь зубы прошипел Сеня, – укушу – взвоешь!

Чтобы ускорить дело, Сеня назавтра давай отпрашиваться у мельника погостить дня три у родной тётки, которая учительствовала в Благодатском.

- Не время сейчас по гостям разъезжать, Семён, – сурово отказал хозяин.
- Пусть идет, – вступился неожиданно Митя, – с него как с козла молока.
- Батраку трудовой отпуск положен, – поддержал брата Гриша.
- Ну коль артель согласна – отпускаю. Только лошадь не дам. Гнедая вот-вот ожеребится,

а лишней кобылы нет.

- Какая печаль, пятнадцать верст я к обеду покрою. А то какой мужик на телеге подберёт.

Скоро ить к вам хлеб молотье потянутся, тогда вовсе не время гулять.

- На том и решили. Сеня собрал в котомку перекусить да и отвалил.

На обеде жена Ивана, миловидная, скорая на руку и дела по дому, не увидев за столом парня, спросила:

- Сеня-то где, забастовку объявил?
- Как в воду глядишь – выпросился у меня к тётке на три дня погостить.
- В страдное-то время! – удивилась Матрёна. – Никак что-то вы затеяли?
- Угадала, седня ночью излишки зерна умыкнём в лес.

Матрена ахнула, хлопнула в ладоши, да умолкла, понимая, что муж решил на опасную меру неспроста.

Как стемнело, Ухватовы погрузили мешки с мукой, зерном на две брички, ушли в лес. Вернулись ушомканные трудным и опасным делом только к обеду. Сыновья взялись распрягать коней, а Иван – в дом. Глядь, а чертушка Никудышнов тут как тут. Вышел из лесу, видно, шибко торопился: пот на лице, дышит неровно, и вопросик жареный подбросил молодым Ухватовым:

- Откель славные мукомолы вернулись?

Гриша от неожиданности язык проглотил, а Митя, характером покрепче, озлился.

- Кабы тебя черт по ухабам не носил, не совал бы нос не в свои дела.

- Ты вроде на три дня у тяти отпрашивался, а прибёг раньше. Почему? – спросил Гриша.

– Тётка сама голодует, прогнала. Правда, букварь вот дала. Грит, учись, в люди выйдешь при новой власти. Я смысленный, выйду, читать уже могу. Интерес у меня к вам: куда на двух подводах бегали? След свежий от старой заимки виден.

Заледенило в груди у Мити, руки так и тянутся к Сениной харе. Кулаком бы проехать. Сдержался.

- Через неё и ходили в заготконтору. Последние пуды в счет продналога отвезли, – торопливо сказал Иван, появляясь на крыльце дома.

– Не пойму я вас, чего бы вам перед батраком шапку ломать? Видишь, хозяин, книгу в моих руках – либо лампу давай вечером, либо днём два часа уделяй для учебы.

– Будет с тебя. Ты и без того на работе едва шевелишься, жаль выгнать тебя с хозяйства не могу, – осерчал Иван.

– Смотри, хозяин, как бы жалковать не пришлось, – скривив губы, отбил удар Никудышнов и направился в дом, где хозяйка налаживала обед, оставив Ухватовых гадать: что же будет теперь, по какой причине батрак незвано явился?

Опасение беды оправдалось через два дня. С утра сырое облако дыхнуло мелкими каплями – мукосеем. Ухватовы на двух бричках вывозили последние ячменные снопы с поля для обмолота. Только минули ворота, направляясь к клуне, за ними трое лихих кавалеристов в кубанках с красной звездой влетели во двор и – напрямиком к амбару. На нём два крепких замка ворота сторожат. В лихом человеке в кожане Иван признал комиссара, с поклоном к нему отвалил от бричек. Тот, как чучело, на приветствие не ответил, приказал:

- Отпирай, хозяин, амбар! Желаю взглянуть на твои хлебные запасы.

- Пошто так, у семьи к продналогу уваженье, под самую маковку ссыпали. Вот квитанции.

– Ты квитанции мне в харю не суй, отпирай амбар. Не то я сам твои замки отстрелю из маузера.

– Счас, сердешный, ключ заел. – Комиссар с кривой улыбкой смотрел, как трясутся руки у мельника. – Ноне замки пошто-то с браком пошли.

– А раньше добрые были? Что ж ты ранешними не запасся?

– Не нашто запас содержать, а старые поистерлись.

Мельник с трудом справился с замками, искоса поглядывая то на комиссара, то на сынов, что разгружали в клуне подводы, распахнул одну створку ворот.

– Гляди-ка, правду сорока на хвосте принесла. Опустел амбар тёмной ночью. Только вот сорока недоглядела – куды мука с зерном перекечевали? Может, ты сам мне скажешь? Или на крайние севера пойдёшь отдыхать?

– Севера мне ни к чему. Я продналוג выполнил сполна. Квитанции тебе, сердешный, показывал. Намедни несколько пудов отвез на старую заимку, рассчитался мукой с шорником за новую упряжь.

– Ага, знать сорока правду про старую заимку мне толдычила.

– Правду, коль у неё на хвосте язык Никудышнова.

– Ты мне Никудышнова не трошь, я его к себе в отряд беру. Смышленный парень. А коль на севера не хошь, то завтра же две подводы зерна отправь на заготпункт.

– Твоя воля, за тобой власть стоит. Отправлю, коль тако дело выходит, – сказал мельник дрожащим голосом, полыхая на комиссара огнём ненависти.

– Ну вот и славно! Рассчитай Никудышнова подчистую, коня ему дай в дорогу.

– Коня дам в счет заработка, – едва не с радостью ответил Иван. – Я ему, горемышному, помочь собирался, коли дело свое заведёт. Да вижу – не крестьянин он. Не любит хлеборобить, пот проливать на ниве не станет.

– Парнишка – пролетарий, служба у нас ему будет милей. Выполняй мою команду, мельник, насчет зерна и Семёна! – сказал комиссар, направляя лошадь на выход. – Нам недосуг. Парень нас догонит.

Глава 5

Таня смотрела на жизнь несколько упрощенно, но восторженно до наивности. Шло это с гражданки, когда она, энергичная и удачливая комсомолка, ходила в звании лучшего ворошиловского стрелка. Окончив школу с отличием, девушка собиралась поступить в мединститут, продолжить семейную профессию: мама у нее фельдшер, а папа – ветеринарный врач. Вместо вуза в первый же день войны пошла на курсы медсестер. Также на отлично освоила обязанности санинструктора и считала, что с ней ничего не случится, ибо жизнь в ней пела и бурлила и давала во всех делах фору. Были у неё поклонники и в школе – мальчишки-одногодки и постарше в обществе содействия обороне, авиации и химическому строительству, где училась стрелять, но юная комсомольская строгость не подпускала к сердцу никого, и она так и не успела ни в кого влюбиться, ни в школе, ни на курсах медсестер, а тем более на фронте.

Дома перед выпуском медсестер Таня заявила, что уходит на фронт, хотя мама выбила ей место в госпитале, который разрастался с каждой неделей войны. Городская больница и приспособленная под госпиталь поликлиника не вмещали прибывающих и прибывающих тяжело раненных бойцов и офицеров, искалеченных бомбами и снарядами, одноруких и безногих. Таня проходила там короткую практику и за ней увязался длинный, как стропила, военврач – недавний выпускник института, но, по отзывам персонала, одарённый хирург. Он рассыпал Тане комплименты, брал постоянно в свою группу для проведения операций раненым. Девушка в целом была благодарна тому опыту, который получила от долговязого хирурга, но терпеть не могла его ухаживания среди страданий, боли и крови несчастных. Она просто не допускала мысли, что может наслаждаться вниманием молодого мужчины, да и не представляла себя в роли невесты, поскольку хирург намекал на совместную жизнь. Намеки Таня восприняла как оскорбление, насмешку среди всеобщего горя. Но причиной была – нелюбовь. Он ей был безразличен, этот нескладный парень. Куда ему против тех военных красавцев, обучающих девушку стрельбе из винтовки, стремящихся ухаживать. Это веселило комсомолку строгого поведения, иногда злило, и она едко отшивала очередного ухажёра. В госпитале происходило то же самое, только обостренное от воплей, криков, рыданий несчастных. И она, не отвечая взаимностью хирургу, по существу сбежала от него, чем немало огорчила маму. Отца в доме уже не было. Он ушёл на фронт по своей специальности в армейский ветбат, поскольку в войсках находилось много лошадей и за ними должен быть ветеринарный догляд.

– Твоё решение не обдуманное, легкомысленное, – утирая слезы, упрекала мама, – будь дома отец, он бы смог остановить тебя.

– Мама, на меня косо смотрят девчонки из наших курсов. Они знают, что ты выхлопотала мне место в госпитале, хотя всех нас готовят для фронта. Там полевые госпитали остро нуждаются в медсестрах. Я – комсомолка и не буду прятаться за твою спину. Со мной ничего плохого не случится, я – удачливая!

Мама с тоской смотрела на дочь – этот неугасимый огонь, который можно потушить только пулей или осколком. Вместе с тем только-только вставшая твердо на ноги, дочь не обладает той крепостью тела, такой, скажем, как у неё самой или у девчонок постарше. Пугала наивная вера дочери в безусловную удачу. Удачу в чём? Не быть убитой или искалеченной? Молодость об этом не заботится, оставляя старшим эти тяжёлые думы.

И Таня уехала на фронт со своей группой, вопреки протестам мамы. Она понимала, что поступила с ней жестоко. Но что сейчас не жестоко? Мама валилась с ног от усталости, выполняя свои обязанности. Часто не ночевала дома, а спала в госпитале тот час, который уходил на дорогу к своей квартире и обратно. Жестокость принесла на их землю война. Мама помнит не менее жестокие годы Гражданской войны, голод, разруху, пришедшиеся на её девичество и учебу, и думала, что никогда уж не будет сытой, тем более счастливой. Но появился

папа, и никакая война и голодная юность не смогли потушить вспыхнувшие чувства у молодой парочки. Таня всё это знала и додумывала продолжение скупых рассказов мамы о своей молодости, наивно полагая, что все невзгоды остались в прошлом, ими перенасыщены родители. Детям уж ничего плохого не осталось, будущее высвечивается радужное, многокрасочное и конечно же гораздо счастливее, чем прошлое. Понятно, падений бесконечных не бывает. Надежда на светлое будущее имела огромную созидательную силу. Молодость и учёба у Тани – та веха подъёма, которая приносит только счастье. Она верила в него. Даже война, участие санинструктора в боях на передовой не смогли поколебать эту веру.

Впервые от Тани отвернулась удача, когда она ринулась вслед за атакующими бойцами и пыталась спасти тяжело раненного сержанта. Наскоро перевязав рану, девушка попыталась вытащить его с поля боя в санроту, на операционный стол. Сержант оказался грузен и неподвижен, сил у девушки хватило лишь на то, чтобы взвалить его на себя, но ползти она уже не смогла. Вдвое тяжелее, он прижал санинструктора к земле намертво. Сержант так и умер на ней. Таня лежала и безутешно плакала, пока ей не помогли выбраться из-под погибшего бойца, ходившие в контратаку. Таня долго не могла забыть своё бессилие. Правда, это был единственный случай. Больше всего ей приходилось оказывать помощь раненым в траншее, и часто вставала на место погибшего, подставляла ящик под ноги, брала винтовку и с большой поражающей точностью била в атакующих фашистов. Это замечали солдаты, хвалили, и Таня стала подумывать: не взять ли в руки снайперскую винтовку, обучиться снайперскому делу тут же, на передовой, и бить тех, кто пришёл сюда непрошенный, заливает кровью родную землю, застилает её, как на валке леса, трупами наших бойцов. Меткую стрельбу она показывала не раз, и командир роты обещал помочь ей влиться в истребительный взвод снайперов полка. Обещание осталось невыполненным. Полк был разгромлен, отошёл неизвестно куда и как, а она оказалась здесь вдвоём с Костей.

Таня считала себя смелой, но оказалась трусихой, не находила себе места в одиночестве, дрожала как осиновый листок от необычных шорохов и звуков леса. Мысль: не случилось бы что с Костей, занозой сидела в мозгах. Она, как учила мама, пыталась думать о хорошем. Это только школьные годы, та беспечная юность, в которой ты плаваешь, как аквариумная рыбка, привлекая взгляды своим красивым разноцветным телом. У Тани было одно приталенное платье в голубую полоску, оно так шло ей, что, придя со школы домой, сбросив форму, она надевала его и бежала с подружками в кинотеатр. Однажды пришла в нём на стрельбы и получила кучу комплиментов от парней, но строгий руководитель упрекнул за столь броское платье и посоветовал приходить сюда лучше в школьной форме. Таня на такое замечание обиделась, отстреляла плохо и снова получила выговор. Но воспоминания мирной жизни быстро улетучились, и она снова пыталась угадать, где сейчас Костя, что делает?

Лейтенант в эти два дня постельного режима напарницы отыскал родник, провёл глубокую разведку станции. В первый день он пришёл в сумерках уставший, но довольный. Плотно поужинал и, откинувшись навзничь, сказал:

– Нам повезло, товарищ Таня, точнее, должно повезти. Станция оказалась узловая, с севера к ней подходит ветка, по которой идут и идут эшелоны.

– Так что тут хорошего, когда немцы там накапливают боевую мощь?

– Повезло в том, что с нашей стороны, то есть с юга, имеется крутой взлобок. Этак метров на полста выше станции, примерно в пятистах метрах от платформы для разгрузки вагонов. Я просидел несколько часов, изучая, что творится на станции, и, можно сказать, насухую пристрелял несколько объектов. Завтра первая боевая операция.

– Я пойду вторым номером?

– Нет, товарищ Таня, твоя нога не окрепла, я не майор-особист и не хочу получить инвалида.

– Вот ещё, я как медик говорю, что нога вполне здорова.

– Не сомневаюсь, но она не выдержит перехода в пятнадцать километров по лесу. И возможно, быстрого отхода от станции. Будь умницей. Мы ещё не раз вместе ударим по врагу! А теперь спать.

У них не было даже плащ-палатки, чтобы укрыться и как-то защитить себя от ночных холодов. Костя снова придвинулся вплотную к спине девушки. Она была теплая, даже горячая, и мешала быстро заснуть. Тане его грудь вовсе казалась огненной и прожигала сквозь гимнастерку и сорочку. Но виной всему, конечно, была влюбленность.

– Таня, почему не спишь, о чём думаешь?

– О себе, – ответила она неправду.

– Я тоже о себе и о тебе, – правдиво ответил он.

– Почему?

– Нас могут убить. Ты же поняла, что я не собираюсь отсиживаться в этой берлоге с таким оружием, как «дегтярь», бьющим прицельно на полтора километра.

– Да, нас могут убить, но не завтра, коль ты не берешь меня с собой. Убить могут только тебя.

– Я не такой растяпа, чтобы подставиться в первой же схватке. Но всё может быть, а мы так молоды, и я уверен, ни ты, ни я не познали, что такое любовь?! Это грустно, погибнуть, не познав этой священной тайны.

Таня резко повернулась к нему лицом, и губы их соединились в горячем неумелом поцелуе.

– Прости меня, Костя, ты единственный! – шептала она, дрожа всем телом не то от жара, поднимающегося внутри, не то от холода, охватывающего девушку от пят и до самого сердца.

– Таня, и ты единственная и неповторимая... Мы будем любить и драться, драться и любить... Никакая война не может остановить нашу любовь! – говорил он тихим прерывающимся голосом от нахлынувших неведомых доселе чувств, нежных и томительных.

– Да-да!

Сила вечного закона любви толкала их к близости, как весна возвращала к жизни заснувшую в снегах природу, наполняя теплом и энергией всё живое. Так и Таня в порыве могучего чувства лихорадочно расстегнула пуговицы на его гимнастерке, а он – на её, утопая руками в упругой девственной груди...

Глава 6

Чуть свет лейтенант разбудил Таню:

– Переберёмся на запасную позицию. Там глуше и дальше от дорог, спокойнее.

В голосе и словах Кости было столько силы, уверенности и деловитости, что Таня едва не обиделась на его сухость, словно и не было ночной близости. Костя тут же заметил её невеселый исподлобья взгляд, нагнулся и поцеловал девушку в губы, весело добавил:

– С добрым утром! Любовь к тебе клокочет в моем сердце, как горная река. Но вставай, моя орлица! Пора в полёт.

Таня вскочила, обхватила шею Кости, повисла на нем, целуя, её сердце наполнялось счастьем. Это было счастье любви – неизъяснимое, новое и вместе с тем пугающее силой своего проявления в столь неподходящей военной обстановке.

– Так срочно, без крошки во рту?

– Разомнёмся, перекусим на новом месте. Отпразднуем нашу свадьбу!

– Но у нас нет даже по сто граммов спирта.

– Во фляжках есть вода, вот ею и обмоем нашу близость. – Костя стоял обвешенный оружием, счастливо улыбался и казался Тане несокрушимым богатырем из той сказки, в которой тот крушил врагов: налево взмахнет палицей – переулочек, а направо – целая улица.

Но минута восторга и восхищения быстро прошла, вернулось осознание суровой действительности и неизвестного будущего. Она едва не всплакнула, но взяла себя в руки и стала собираться в дорогу.

Они взяли половину продуктов, личное оружие, часть боеприпасов и, стараясь не оставлять следов, двинулись в глубь леса.

Новая позиция показалась Тане настолько глухой и однообразной по сравнению с прежней в лощине, что девушка подумала: немудрено впопыхах проскочить мимо. Правда, перед балкой лес распахнулся, поредел, образовав не широкую продолговатую полянку, но сама ложбина в этом месте сужалась, гуще заросла калиной, черемухой, бузиной. В одном месте балки, рядом с разлапистой могучей сосной, обозначились выходы сланца, поросшие густым вереском и образовавшие конфигурацию в виде грота, где вполне могли разместиться два человека.

– Вот здесь ты будешь ожидать меня после операции.

– Ты так и не скажешь, что задумал? – с волнением спросила она.

– Не переживай! Если буду бить из «дегтяря», то с большого расстояния и всегда смогу уйти в случае опасности. Враг не получит удовольствия от облавы. Уйду заранее. Клянусь тебе нашей любовью!

Они плотно позавтракали, и он ушёл с пулемётом, взяв несколько дисков, оптический прицел, жалея, что нет бинокля.

Она ждала долго. Сначала терпеливо, как человек, ждущий час отъезда. Потом ожидание превратилось в волнение и страх. За его жизнь и за свою. Больше за его. Не случится ли с ним беды, с ней – тоже! Может быть, тут припахивает эгоизмом? Но это нормально: жизнь людей всегда зависит друг от друга. У неё боязнь за любимого человека. Не по обстоятельствам первой близости, а по закону первого взгляда. Таня с восхищением смотрела на его мощную грудь атлета, когда перевязывала рану, как бы невзначай задела волевой подбородок, не знавший бритвы, всмотрелась в напряженные, суровые светлые глаза, скорее всего в них можно прочесть раздражение за нелепое ранение. Да разве ранения бывают иными, со смыслом. Его гладкий мальчишеский лоб слегка морщился, когда санинструктор накладывала бинт на правую ключицу, рана уже не гноится, затягивается. Вчера Таня вновь перевязала рану, с удовольствием налегая на его широкую грудь. Он усмехался, а ей было радостно: ухаживает за люби-

мым человеком! Нежданно и негаданно оказалась в силках любви, о которой, что уж скрывать, мечтала, как и каждая девушка.

Таня прислушивалась к каждому шороху, стрекоту на сосне белки и ждала оповестительный крик кедровки. Эти птицы жили здесь, и она слышала, как одна из них шелушила сосновую шишку. С птицами ей веселее. Знак того, что никого нет рядом. Потом мелькнул бурундук, задержался на несколько мгновений, увидев девушку, фыркнул и по стволу сосны взлетел на несколько метров.

Беспечные звери! Они не знали, что идёт страшная война. В лесу могут начаться пожары от взрывов снарядов и бомб, и тогда огонь погонит их из дому, из обжитого места. Эта война сродни девятибалльному землетрясению, так внезапно начавшаяся и унесшая жизни сотни тысяч молодых и старых людей, военных и гражданских. Враг не разбирает, кто перед ним: бомбит и уничтожает всё живое. Свиреп, как дикарь, жесток, как людоед.

Солнце, прячась временами за огромные кучевые облака, перевалило за полдень. До девушки долетел стройный гул большой массы немецких самолётов. Они шли на восток бомбить наши позиции, города и деревни. Но уханье взрывов сюда не доносилось. Знать, фронт откатился за эти дни далеко. Это пугало Таню, и долгое ожидание любимого человека переросло в тихий ужас. Таня решила сказать Косте, чтобы он больше никогда не оставлял её одну с неизвестностью. Она не допускала мысли, что он не вернётся, но чертушка всё же нудил: куда же ты пойдёшь, в какую сторону, если что?

Неожиданно прилетела сорока и затрещала. Таня подобралась, взяла в руки «лимонки». Она знала: сорока просто так трещать не станет. Кто-то идёт. И вот за сорочьим криком раздался почти похожий, но более резкий крик кедровки.

Костя!

Но ей приказано не бросаться ни на какой крик. Просто должна знать, что это он почти рядом, а не враг. Следом чирикнул воробей и его голос:

– Таня, это я!

От сердца сразу же отлегло. Захлестнула волна радости. Костя прислонил к стволу сосны пулемёт и долго целовал девушку в губы. Они жили в счастье любви. Таня вдруг расплакалась:

– Не оставляй меня одну.

– Ай-ай, слезы на ресницах у любимой – бриллиант потерянный мужчиной, – широко улыбаясь, сказал Костя. – Мне казалось, – ты смелая.

– Может быть и смелая, но я боюсь быть одна.

– Я за тебя жизнь отдам. Но я не могу отсиживаться. У Пушкина есть «Песнь о Георгии Черном», что убил своего отца за то, что молил сына не бунтовать против турков и пошёл по белградской дороге, «...выдать туркам ослушного сына, \ Объявить убежище сербов». Георгий дрался за свободу сербов, я дерусь за свободу нашего народа и за тебя!

– Я согласна с тобой, я ничего не боюсь, когда ты рядом, когда рядом дрались бойцы нашего полка.

– Терпи, товарищ Таня. День-два – и ты активный боец.

– Я терплю, хотя сердце заходится от жути ожидания. Рассказывай, как ты там?

Он устало улыбнулся и сурово добавил:

– Удалось сжечь бензовоз и платформу с бочками горючего. Жаль, первую успели разгрузить, а бочки увезти.

– Как это произошло? Ешь, ты голоден, и рассказывай!

– Надоело есть холодную кашу. Я набрал сухих осиновых веток. Они горят почти без дыма, сейчас разведём маленький костерок и согреем кашу. – Костя уже ломал ветки. – Ты слышала самолёты?

– Да, они прошли высоко, севернее от нас.

– Я слышал их бомбовый удар. По звуку взрывов бомб и артканонады фронт от станции в добром суточном переходе. Наши дерутся!

– Ты тоже сегодня дрался.

– Дрался, прикончил несколько фашистов из железнодорожной команды. На станции есть какая-то крупная армейская часть. Полно солдат и офицеров. Немцы не суетились, вытолкали маневровым паровозом горящие платформы со станции. Я видел, как крупнокалиберный пулемёт пристраивали на платформу, не мог удержаться и рубанул по фрицам очередью. Кажется, кого-то прошил. Заметил, как разворачивают второй пулемёт, и отошёл в глубь леса. Пулемёт ударил зло. Пули безвредно щелкали по деревьям. Завтра туда соваться не стоит, хотя отличная позиция для снайпера. А вот на лесной дороге, по которой мы ехали, устроим засаду. Надо добыть немецкую форму и теплые вещи. Вот-вот пойдут дожди. Может брызнуть даже завтра, видишь, как слабый дымок прижимает к земле. К дождю.

Таня сидела у подножия сосны на шинели, поджав ноги, и смотрела на то, как ловко орудует Костя. Он тоже поглядывал на неё и тепло улыбался, словно в домашней уютной обстановке. И она улыбалась, просто нельзя было не улыбаться от такой лесной идиллии.

Костерок быстро занялся. И действительно, горел почти без дыма, выбрасывая длинные бледные языки пламени. Приятно пахло нагретым воздухом, как из духовки с маминой стряпней. Костя вскрыл две банки с рисовой кашей, надёжно пристроил к огню. Взял и подпалил зачем-то сосновую палочку, и она долго курилась в его руках, словно зажженная и тлеющая сигарета. Оба диверсанта смотрели на дымок, он успокаивал. Был мирный и такой домашний! Вскоре в банках зашкворчал жир, и повар убрал их от огня, прижигая пальцы.

– Не мешало бы добыть чайник, – сказала Таня.

– Очень правильная мысль. А пока вскипятим чай в моей фляжке, заварим травами. Видишь, сколько набрал, пока шёл.

Костя вынул из рюкзака солидный пучок переросшего и давно отцветшего майника с широким листом сердечком, остроносой малины, ажурной смородины и мяты с бледными белыми цветками в макушках. На Таню пахнул аромат сбора.

– Ты настоящий домохозяин! – невольно воскликнула она, протягивая руку к листе. – Я хочу знать подробности операции. Ты близко подошёл к станции?

– Я же говорил, там есть косогор с дубами недалеко от узла платформ. Правее и подальше клуб. Возле него крутилось много легковых машин, офицеров. Очевидно, штаб дивизии, а может, корпуса. Так вот, на прочную ветку пристроил пулемёт, долго выжидал цель. Наконец подошёл бензовоз, в который стали закачивать из бочек горючее для танков. Тут я ударил зажигательными пулями по бензовозу. Промахнуться не мог, и он превратился в факел. Прошил бочки, достал нескольких фрицев. Горючее вспыхнуло, потом ухнул взрыв. Про пулемёты уже сказал. Погони я не заметил. Они тоже не дураки. В лесу без собак искать человека – пустое занятие. Но и овчарка берёт только свежий след. Спустя три-четыре часа след теряется, а если дождичек накрапывает, вообще не возьмёт. В армейских частях собаки не водятся, знай об этом и спи спокойно.

– Молодчина!

– Я бил по гадам с твоим именем, за твою любовь и за смерть своих родных. Нас не остановить!

Вечер тихо, даже с какой-то нежностью, опустился на лес, поглотил маленькую крепость и двух влюбленных защитников Отечества. В эти минуты лес шептал им тихо сказки из детства, и мир казался вовсе не жестоким, а теплым и мягким, как материнская ладонь.

* * *

Командир пехотной дивизии генерал фон Фрайс только что сытно отобедал и теперь прошёл в свой просторный кабинет на втором этаже уцелевшего от бомбёжек железнодорожного клуба. Здесь остались почти новый диван, покрытый узорным дерматином, массивный стол с приставными легкими столиками т-образной формы и мягкие стулья. Генерал распорядился изменить конфигурацию: сдвинуть столы влево и добавить справа такие же, чтобы удобно было проводить оперативные совещания и раскладывать карты. За спиной у командира – неизменный портрет фюрера в простенке между двумя окнами, а справа почти полстены занимала карта с нанесенными стрелами боевых действий его дивизии, группы армий «Центр» и в целом Восточного фронта.

Фон Фрайс прошёл к карте, устался на красную стрелу его дивизии, кончик которой подрос, но уперся в неодолимую оборону русских недалеко от реки Десна. Дивизия его заметно поредела после кровопролитных недельных боев, прорыва обороны противника под станцией Локоть. А успех ли это, когда в ротах осталось по полсотни и даже менее солдат, и надо ли развивать наступление. Без вливания новой крови в дивизию – не обойтись.

Генерал вздрогнул от неожиданного взрыва на станции, отчетливо донесшегося в открытую форточку, и от звучной пулемётной стрельбы. Что бы это могло быть? Он нажал на кнопку звонка, и в дверях, как оловянный солдатик, появился всегда подтянутый адъютант.

– Пауль, выясни, что за взрыв и стрельба на станции?

– Слушаюсь, господин генерал, – вытянувшись, отчеканил гауптман. И тут же вышел.

Фрайс в задумчивости вернул свой взор к карте. В голове назойливо стучала мысль: «Иван мне знаком из моей окопной юности в Первой мировой. Мы связались с ним себе на беду».

Затрещал армейский телефон, и генерал нервно снял трубку, не ожидая ничего хорошего от предстоящего разговора с начальством. За острыми репликами в разговоре с начальником штаба армии Фрайс почти забыл о происшествии на станции, ибо оно потонуло в контрастном правого фланга русских, которую с трудом отбивали его роты. Появившийся гауптман, напомнил:

– Господин генерал, станцию обстреляли из пулемёта. Уничтожено несколько сот литров горючего для танков, сгорел один бензовоз, пострадало до десяти солдат. Стреляли попавшие в окружение военные разгромленной дивизии.

– Их уничтожили?

– Скорее всего – да. Пулемёт врага тут же замолчал, после того как по диверсантам ударили из крупного калибра.

– Трупы нашли? – довольно равнодушно спросил генерал под впечатлением недавнего разговора с начальством.

– Нет, господин генерал.

– Надеюсь, такое безобразие больше не повторится?

– Наши разведчики отправлены в глубь леса, пока никого не обнаружили.

– Будем считать это досадной мелочью. Нам некогда заниматься окруженцами. Пусть о них болит голова у оккупационной власти и полиции.

Генерал прошёл в задумчивости по кабинету вдоль стола, устремил взгляд в окно.

– Впрочем, Пауль, я поторопился с выводами. Нам придётся выделять силы на борьбу с партизанами. Генерал Меллентин недавно высказал своё резюме: «Иван не отступает ни на шаг. Они дерутся за каждую развалину, за каждый камень». Его слова подтверждены сегодняшней диверсией. Вы свободны, Пауль.

* * *

Утром пошёл дождь.

– Что я говорил. Накидывай на себя шинельку, перекусим, и я пойду на охоту.

– Опять без меня?

– Опять и очень жаль! Возможно, придётся быстро уходить, а ты не сможешь. Потерпи ещё денек для надежности.

Мелкий дождь вскоре превратился в ливень с раскатистой, скорее всего с последней грозой и не переставал до полудня. Поиск пришлось отложить. Дорога наверняка раскисла и вряд ли по ней потащатся мотоциклисты. Плечо к гравийке вдвое больше и на поиск не хватало светового дня. С гротом из сланца, который приспособлен для укрытия и ночлега, соседствовала могучая разлапистая сосна и прикрывала бойцов от проливного дождя. Они сидели, плотно прижавшись друг к другу, укрывшись шинелью, и дремали. Через час по дну ложбины, буквально у их ног, стал набухать дождевой поток. Он тянулся на север, приминая травы, катился по неглубокому каньону, образовавшемуся от обильных весенних вод, постоянно подновляя его, и, конечно, уничтожил все следы одинокого диверсанта-мстителя, устроившего небольшой фейерверк на станции.

К полудню дождь утих, деревья обдуло сочным порывистым ветром, озаряя макушки прорывающимися сквозь рваные тучи лучами солнца. Лейтенант взбодрился, тридцать раз отжался на руках от земли, столько же раз присел, принялся метать финку в ствол дерева. Она, просвистев, всякий раз вонзалась остриём. Таня внимательно и одобрительно следила за Костей.

– Нельзя терять форму, – сказал он, приветливо улыбаясь, – ты тоже качай мышцы, любая тренировка диверсанту только на пользу. А теперь займемся обороной.

Лейтенант подхватил ящик с гранатами и принялся минировать подступы к их убежищу, буквально перед полянкой на глубину в пятьдесят метров от центра по окружности. В дело пошли «лимонки» и противотанковые гранаты, провод зелёной окраски. Одновременно лейтенант учил этой опасной науке товарища Таню.

– Ну вот, теперь можно спокойно спать ночами. Сторожа надёжные, не уснут на посту и нас предупредят. Только ты хорошо запомни каждый секрет, чтобы не напороться на взрыв.

– Здесь есть белки, они не смогут взорваться?

– Белки вряд ли. Зверьки редко спускаются на землю. А вот русак своей массой на скаку может сдернуть сторожку. Будем надеяться на лучшее. А теперь, пока светло, схожу за оставленными боеприпасами.

– Костя, милый, мне тебя жалко! Ты один за всех.

– Таня, выбрось из головы жалость. Не то сейчас время. Мне же легче, когда ты не переживаешь. Верь в мою отвагу и сама будь мужественной, это наполнит покоем твою и мою души.

– Я постараюсь, возвращайся быстрее.

Ночью лейтенант спал спокойно, надеясь на своих «сторожей». Сон был глубокий, берегающий силы. А их надо было пополнить: почти бессонные ночи, тревога за малоподвижность группы, многократный перенос боеприпасов, нелепое столкновение с майором, вылазки порядком измотали. Таня несколько раз просыпалась, прислушиваясь к шуму леса, вновь засыпала с желанием на рассвете проснуться первой. Но все же Костя опередил. Поцеловал спящую подругу, она проснулась, ответила благодарной улыбкой. Влюбленные пожелали доброго утра.

– Как нога у тебя, Танюша?

– Опухоль спала. Ночью я вставала и свободно наступала. А что, возьмёшь с собой?

– Есть у меня одна задумка, немцам мозги задурить. Одновременно одеждой разжиться, чайником или котелком.

– Посвяти меня в свою задумку?

– Выйдем к просёлку, тогда.

Росистое раннее утро расплескало алые брызги зари по колонии облаков на восточном небосводе, охватывало прохладой, идти было легко, дышалось свободно и первые два километра Таня даже не ощущала тяжесть карабина, своей санитарной сумки, правда, с минимумом бинтов, ваты, йода, а также с двумя банками каши и сухарями. Сосны попеременно с берёзой и дубами молчаливо провожали бойцов – был полный штиль. Вспорхнули горлицы с куста калины и ушли на близкую опушку, которая просматривалась сквозь негустой соснячок.

Тихо, спокойно. Воздух после вчерашнего ливня сырой, плотный, насыщенный кислородом. Звуки в лесу глохнут почти тут же, а на просёлке полетят далеко, как в трубу. Лесная дорога – она и есть труба, проторённая среди сосен, берёз, осины, ольхи, а кое-где меж кряжистых дубов. Так и кажется – богатыри русские в дозор выехали. Костю удивил небольшой табун мандаринки, кормящийся желудями, которыми усыпана земля под разлапистыми кронами. В глаза бросился самец с ярким блестящим сине-зеленым хохолком и разноцветными, широкими изогнутыми кверху маховыми перьями. Он даже приостановился, указал Тане рукой на птиц, обошёл их, чтобы не испугивать, не обнаруживать себя. Даже в душе похвалил: идут они бесшумно, осторожно, словно плывут по воздуху. Вот и дорога. Настоящий лесной коридор, в котором ожерельем лучей увита изумрудная даль. Лейтенант остановился, прислушался. Никого.

– Минируем дорогу в широкой прогалине, чтоб меньше подозрений у фрицев было. Переходим на ту сторону дороги, заметаем следы, устраиваемся против мины. Будем вести огонь оттуда. И уходить вглубь, в противоположную сторону от нашего бивака, если немцы вздумают устроить облаву.

Выбрали удобную позицию для обстрела довольно с близкого расстояния, в полусотне метров по ширине прогалины, которая выглядела нечесаной куделей с осокой, кочками и была сырой после ливня, куда здоровый человек соваться не станет.

Ждали долго. Наконец послышался треск мотоциклов и гул грузовика.

– Мотоциклы пропускаем. Я подрываю машину, ты немедленно бей из винтовки по мотоциклистам. Веди их под прицелом сразу же. Сокрушительно ударю из «дегтяря». Если откроют сильный ответный огонь, снимаемся и уходим. Огрызнёмся выстрелами, когда лес нас прикроет. Покажем фрицам, в какую сторону драпанули. Задача понятна?

– Так точно, товарищ командир!

Внезапность всегда ошеломляет. Таня вздрогнула от прогремевшего взрыва и промедлила с выстрелом. Лейтенант прицельно ударил из пулемёта по крытому брезентом грузовику, окутанному дымом шашки и фонтаном земли и песка, затем быстро перенёс огонь по второму мотоциклу, который накренило от взрывной волны. Солдат он срезал. Таня ударила по первому мотоциклу. Попала в пулемётчика, который упал грудью на оружие.

Лейтенант видел, как мотоциклист рванул вперёд, но Танина пуля его догнала, и машина ушла в кювет. Костя вновь резанул по грузовику, откуда выскакивали уцелевшие солдаты, прячась за завалившийся грузовик и походную кухню на прицепе. Огонь пулемёта прижал их к земле. Раздалась команда открыть огонь. Но «дегтярь» бил и бил короткими очередями.

Немцы так и не смогли ответить дружным огнём, видно, немногочисленная нестроевая поварская команда не отличалась боевой подготовкой и полегла вся.

– Молодец, товарищ ворошиловский стрелок, рука не дрогнула!

– И не дрогнет впредь. Я до жути насмотрелась бедных калек мальчишек. У кого руку оторвало, у кого ногу, кому живот осколком вспорол. Один совсем мальчишка в атаке упал, я – к нему. Он сидит, сгреб в руки своё хозяйство, на лице ни кровинки, а из-под рук фонтан крови. Осколком мины обрезало хозяйство.

«Как я теперь жить буду без невесты? – кричит в истерике. – Она ждёт меня целого!»

– Как может рука дрогнуть после таких ужасов? Этот ужас они принесли на нашу землю и разлеглись на ней навечно. Мы что, всех прикончили? – всё же с нервной дрожью в голосе спросила Таня.

– Успокойся, родная. Всех, нечего им тут делать. Сама говоришь.

– Мужики-то какие здоровые, откормленные.

– Это нестроевики, повара. Видишь, кухня сзади. Подождём, не зашевелится ли кто? Можно схлопотать пулю. Держи под прицелом, я обойду каждого. – Лейтенант вытащил из кобуры пистолет, снял с предохранителя и, настороженно, окидывая взглядом лежавшие вразброс трупы, не спеша подошёл к машине. В кабине было два трупа, сильно окровавленные. Один из них унтер-офицер. «Вот его бы форму», – подумал лейтенант. Но тут же отказался, грудь была вся в крови. В кузове лежали два трупа на ящиках и мешках с провизией. В углу котелки. Раздался стон раненого, лейтенант выстрелил в поднимающуюся фигуру.

Подошла прихрамывающая Таня.

– Забираем ящики с провизией, посуду – и в лес не на нашу сторону.

Лейтенант подал Тане котелки, кружки, две небольшие канистры со шнапсом и приказал уходить, сам выбросил из кузова несколько ящиков с тушёнкой, увесистый тюк с палаткой в чехле, несколько мешков с крупой, один на полцентнера взвалил на спину и быстро пошёл в лес. Мешали кочки, недавно бывшие союзниками. Но он быстро преодолел расстояние и снова вернулся за провизией. Перенёс в лес все трофеи. Отыскал в кузове брезент в рулоне, унёс его и палатку. И только тогда стал снимать форму с мотоциклистов, прорезиненные накидки. Снял пулемёты с боекомплектом. Едва углубился в лес, как услышал гул машин.

– Таня, уходим тихо. Задумка пропала. Жаль обнаруживать добытое.

– Что же ты хотел?

– Пострелять, увести облаву за собой подальше на южную сторону дороги и, сделав крюк, вернуться на базу.

– Пусть ищут там, где нас нет?

– Хотелось бы, но не вышло. Думаю, охота за нами всё равно обеспечена. Унесём подальше всё что сможем. Остальное спрячем, постепенно, если не обнаружат, заложим в тайник. Ты носи, что я тебе дал, а я постараюсь унести тушёнку и куль с крупой.

Таня, тихонько брэнча котелками и канистрами, затолкала их в рюкзак. Костя помог ей надеть лямки, сам же, прикрыв травой и ветками кучу добра и немецкие пулемёты в густом сосновом подросте, упаковал груз в брезентовую накидку, взвалил на плечи и двинулся за Таней, которая шла прихрамывающая.

– Таня, как нога? Рано я взял тебя в бой.

– Ничего не рано. Неделя прошла. Слышишь, гудит. Что-то тяжёлое.

– Скорее всего – две самоходки и мотоциклисты. Их расчёты в лес не попрут.

– А если машина с солдатами?

– Эти могут. Наткнутся на наш склад. Жалко. Надо было уничтожить провизию.

– Тоже жалко, вдруг не пойдут в лес. Откуда им знать, в какую сторону мы ушли. Следов явных не оставили. Ты же об этом позаботился. Провод смотал, дорогу, где мы топтались, замёл веткой.

– Для опытного глаза следы остались. Направление огня, гильзы. Потому нам надо идти проворно на юго-восток, а затем на север и выйти к своей базе.

– Получается так, как задумано?

– Не совсем, мы идём молча, не огрызаемся, не делаем загадку немцам. С таким грузом до ночи не выйдем на дорогу. Придётся оставить у приметного места и идти налегке.

– А котелки, кружки, форма?

– На это сил у нас хватит. Привал. Видишь, впереди опушка открылась, а дальше болотистая низина. Мы ходко шли два часа на юго-восток. Здесь оставим груз. Отыщем. Накидки

возьму с собой, а для мешка с крупой и ящика устрою примитивный лабаз из двух жердей и вот этой могучей ветке дуба.

– Тушёнки бы не мешало попробовать, сравним с нашей кашей.

– Верно, пару банок вскроем прямо здесь. О, да там вон родник! Потому болотинка с озерушками образовалась, калужница желтоголовая по отмелям расселась, багульник, а вон у берега высохшие дудки дягеля, бодяк распушил свой белобрысый чуб, дальше вижу кровохлебка. На чай сгодится.

Притомившаяся Таня с интересом осматривала новое место. Обширное болото, а скорее озеро, четко очерчено высокими деревьями по краям его. Южная оконечность, загнутая носком в западную сторону, не просматривалась: закрывали камыши, рогоз с бархатными семенниками, торча высокими свечками, а дальше – корабельными стройными соснами.

– Не сделать ли это местечко новой базой? Вода рядом.

– Посмотрим. Давай вот налегай на тушёнку. – Константин быстро вскрыл ящик, извлек две банки. – Она хоть и вражеская, трофейная, но сытная!

Они ели тушёнку, подхватывая куски кинжалами, заедая сухарями, запивая родниковой водой, поглядывая на озерушки, по которым скользили солнечные блики. От них слепило в глазах, навевая покой, ленивую расслабленность после долгой ходьбы, а от плотного перекуса на Таню наплывало томление тела. Она прижалась к левому боку Кости и, казалось, слышала биение его горячего сердца, отсчитывала удары и уносилась мыслями под клены в ту первую ночь их близости и могла сидеть так до бесконечности. Идиллию нарушил прагматичный голос Кости:

– Пока идут армейские части, надо громить отдельные команды. Армейские части нас ловить не станут. Придут оккупационные войска, те устроят карательные облавы. Будут гонять нас, как зайцев. Да мы кое-что им устроим.

– Костя, ты что, не думаешь к своим пробиваться?

– Таня, скажу в открытую, меня учили драться в тылу врага. Я – разведчик-диверсант. Надо сколачивать группу. Но что-то в этих лесах нет окруженцев. Надо искать людей на станции и в том поселке, где стоял наш штаб дивизии. Не мешало бы добыть немецкую рацию и связаться с разведцентром.

– Оё-ё, Костя! Вот откуда у тебя и меткая стрельба, и выносливость, и в лесу не плутаешь. Костя довольно улыбнулся.

– Оттуда, Танюша, оттуда. Нам бы парней дюжину крепких, да где их взять. У меня, кажется, созрела стратегия: главная цель – пускать под откос эшелоны врага! А самим маневрировать, не подставляться под удар, вот как сегодня.

– Вот почему ты всем запасаешься! Вот какого парня я полюбила!

– Ты жалеешь?

– Костя, не обижай меня, рядом с героем и я овечкой не буду! – Таня принялась целовать лейтенанта, он с удовольствием принимал поцелуи и отвечал своими.

Глава 7

К базе подошли на закате солнца, осторожно, прислушиваясь, с оружием наизготовку. Лейтенант проверил первую насторожку-гранату. На месте. Можно смело шагать в своё расположение.

– Таня, за мной след в след. Ноги поднимай высоко, не волоки по земле.

Они не спеша прошли опасную зону. Расслабились. Дома!

– Поужинаем горячей кашей. Чай сварим в трофейном котелке. – Костя быстро развёл костер из припрятанных сухих веточек осины. Огонь быстро взялся под самым котелком, который повар пристроил на деревянном тагане. К огню придвинул вскрытые банки. Вскоре вода в котелке вскипела, Костя заварил мятой, иван-чаем, собранным у родника.

– Прошу к столу, моя орлица, – широко улыбаясь, сказал Костя.

– Удачу, может, шнапсом обмоем?

– Давай, за Победу! Только такие обмывки в крайнем случае. Особого нервного стресса у нас пока не было. Мы почти не рисковали, хотя риск в борьбе всегда есть.

– Но я впервые из снайперской винтовки прикончила фашистов. Это важное для меня событие.

– Наливай! С удачей!

– За Победу!

Они выпили граммов по сто шнапса. Он им показался слабым против ста граммов фронтальных. Принялись утолять голод.

– Костя, я заметила, ты так быстро ешь, не торопись. Кто тебя гонит?

– Время, Танюша, время. Мне, точнее нам, надо очень многое совершить. Привычка тоже торопит. Пацаном, помню, поест некогда было. Всё куда-то спешил, в учебке за столом – считанные минуты...

Неожиданно лейтенант насторожился, жестом руки приказал Тане замереть. Шли двое. Слышно, как чавкает под ногами мокрая трава. Лейтенант подхватил пулемёт, скользнул за заминированную линию. Вскоре Таня услышала окрик:

– Стой! Кто идёт! Руки вверх!

– Окруженцы.

– Какого полка?

– Новобранцы из стрелкового, номер не знаем.

– Где полк?

– От него остались рожки да ножки, – зло ответил шуплый белообрый боец, с виду похожий на подростка, переодетого в армейскую форму, с неумело намотанными обмотками.

– Выходит, рожки это ты, а ножки – твой напарник? Смотрю, у вас и оружия нет. А документы?

– Солдатские книжки пока при нас.

– Покажите, да опустите руки, я вижу, у вас в штанах уже что-то накопилось под моим прицелом. Как вы на меня вышли?

– Случайно. Лёха, рядовой Шелестов, почувал запах тушёнки и дымок. У него нюх как у собаки, – ответил шуплый, – а мы голодные как волки зимой.

– Он не ошибся. Идите за мной, но след в след, если жить хотите.

– Что, мины? Откуда они здесь?

– Отставить разговоры, но прежде я вас обыщу. Нет ли у вас кинжалов. Ты, рядовой Шелестов, подошёл ко мне, руки назад.

Долговязый и такой же белообрый, как первый боец, с печальными провалившимися светлыми глазами, одетый в широченные галифе и такую же просторную гимнастерку, висев-

шую на нем как на колу, Шелестов сам вытащил из обмоток штык и ручкой вперед подал лейтенанту. Костя быстро обшарил бойца. Больше ничего не было, кроме ложки, спрятанной в тех же обмотках.

– Второй рядовой, ко мне.

– У меня тоже штык, возьми, лейтенант. Накорми, падаем от слабости.

– За мной!

Лейтенант не повел гостей в своё убежище, а приказал сесть на краю балки под другой сосной, а сам пошёл и принёс одну банку с кашей и немного сухарей.

Ели быстро и жадно. Для двоих – только заморить червячка.

– Стоп-стоп, с голодухи надо есть медленнее, прожевывать пищу.

Лейтенант участливо смотрел на пацанов, прикидывал их возраст.

– Через два часа дам ещё. А теперь рассказывайте, кто вы, где воевали. Книжки я вижу новенькие.

– Нигде мы не воевали, – уныло рассказывал щуплый боец Фёдор Осинин. – До передовой не доехали, попали сначала под обстрел штурмовика, но дружно дали залп из винтовок, он отстал, и вскоре попали под танки. Смяли две машины нашей роты. Хорошо лес рядом оказался, мы с Лёхой успели в нём скрыться.

– Где это было?

– А бес его знает, везли какой-то Локоть оборонять.

– Локоть – это наша станция, – подала голос Таня, прячась до времени за деревьями.

– Где же ваши винтовки?

– На кой ляд такая тяжесть, если ни патронов, ни харчей нет. Себя-то едва тащим от голодухи.

– Да как же вы посмели бросить личное оружие?

– Мы не бросили, сначала отстреливались, пока патроны были и сержант с нами живой. Лёха одного с засученными руками автоматчика завалил. Сержанта в грудь ранило, он у нас на руках умер. Тащили по лесу метров сто. Слышим, стонать перестал. Опустили на землю, а он – мертвый. Мы документы вытащили и ушли дальше, потому что в нашу сторону стреляли, видно, за нами гнались. Патронов у нас всего два подсумка было, расстреляли, потому винтовки оставили в приметном месте. Если надо, принесём.

– Очень надо. Куда шли?

– На юго-восток к своим.

– Почему не на восток?

– Немцев там больно много. На Москву гады прут, а на юге тише. Шли и на сбитый тот самый штурмовик наткнулись.

– Вот как, его сильно повредило от взрыва?

– Сильно. Пилот на ветках дерева болтается. Тухлятиной несёт.

– Вы можете место найти? Мне компас нужен. У пилота на руке наверняка был, а может, в кабине цел остался.

– Мы шибко не рассматривали, побоялись, вдруг тут немцы окажутся. Утекли сразу.

– Да, смелости у вас хоть отбавляй! – с усмешкой сказал лейтенант. – Стреляете-то хоть метко?

Парни нерешительно пожали плечами.

– Что же мне с вами делать? Обучать стрельбе – патронов мало и времени нет. Балласт. Только часовыми пока будите, а дальше – посмотрим.

– Разрешите спросить, товарищ лейтенант?

– Разрешаю.

– Вы-то сами кто будете и что на уме?

– Я, как ты заметил, лейтенант, пехота. На уме – одно, бойцы. Драться!

– Сколько же вас в отряде, коль пулемёт имеете и кашу с сухарями?
– Пока это секрет. Поживёте, покажете себя надежными бойцами, узнаете. А сейчас отыщите в балке место посуше и отдыхайте, набирайтесь сил. Ночью, возможно, в караул встанете. До ветру ходите вот по этой прогалине, след в след, иначе взорвётесь.

Бойцы испуганно переглянулись.

– Разрешите отдохнуть?

– Отдыхайте, вот вам банка каши и горсть сухарей. Костёр жечь запрещаю.

Лейтенант проследил, как бойцы спустились в балку, отыскивали сухое место, принялись есть.

Таня вышла из укрытия, спросила:

– Что ты о них думаешь? И как с ними поступишь?

– Не подарочек. Я допускал встречу с окруженцами, но с обстрелянными бойцами, а эти зеленые, как огурцы. Словом, пока обуза.

– Жалко мальчишек. Им всего по восемнадцать. Самая пора влюбляться, за девчонками ухлёстывать, а они чуть не погибли. Как же наши командиры такую зелень в бой на танки бросают?

– Тут ты, конечно, права. Они младше нас с тобой в совокупности на три года.

– Как это? – не поняла Таня.

– Тебе девятнадцать скоро, мне – двадцать. Попробую бойцов чему-нибудь обучить.

– Ты обещал из меня сделать снайпера.

– Мы с тобой уже прошли толковые уроки. На твоём счету подбитый мотоцикл. И два фашиста, если не считать твою стрельбу из траншеи по наступающим немцам.

– Мне бы не мешало пулемёт освоить.

– Он тяжеловат для тебя, восемь кило, автомат легче.

– Ты как великий чемпион Поддубный, постоянно с пулемётом – качаешь мышцы.

– До Ивана Поддубного мне далеко. Он с тростью пудовой постоянно ходил. Но все-таки.

Садись-ка мне на руки, – Костя присел, вытянул руки, сложил ладони вместе, – прошу!

– Что это будет? – смеясь сказала Таня.

– Ты садись.

Она села, и Константин поднял девушку на уровень груди на вытянутых руках. Таня замерла, с восторгом глядя на парня, и серебристо засмеялась.

– Впечатляет?

– Ещё бы! Уронишь! – Она соскочила с рук и бросилась целовать милого. Он принял поцелуй, одернул гимнастерку и сказал:

– Так на чем мы остановились? На автомате. Он легче, к нему и дисков больше. Пулемётные диски надо экономить, особенно зажигательные патроны.

– Ты же говорил, что калибр патронов одинаков.

– Одинаков, но зажигательные только к пулемёту. Надо сходить к машине, обшарить вокруг до сантиметра. Может, где какой ящик завалился. Мы тогда хватали, что на глаза попадало. Оттуда к самолёту двинем. Компас позарез нужен, а может, в планшете пилота карта сохранилась, коль его взрывом выбросило на сосну.

– Вот с парнями и ходим.

– Я не возражаю.

– Мне очень хочется сбегать к траншее, глянуть, что там осталось. Но боюсь трупов.

– Ты же медик.

– Видеть поле боя – всегда жутко. Медик тоже сердце имеет, не каждый выдержит зрелище с обилием трупов. Сразит кого угодно.

– Похоронная команда немцев уже поработала. Стаскали в траншею и засыпали землей. Они боятся инфекции.

– Верно, каску надо на братскую могилу поместить, чтоб не бесследно исчезла братская могила.

– Так и сделаем. А теперь пошли отдыхать. Укроемся накидкой, чтоб ветки на нас не глазели. У нас же должен быть медовый месяц!

– Костя, милый, любимый! Ты такой приятный, я даже не подозревала – что это и есть высшее наслаждение – быть любимой и любить! Но я боюсь забеременеть. И прошу тебя: давай реже.

Костя расцеловал свою царицу, соглашаясь с её словами, но просьба его одернула. Ведь Таня права, беременная женщина, хоть и любимая, – это такая обуза для борьбы!

Он серьезно задумался. Они оба столь молоды и столь не искушенные в любовных делах, что выхода не видели. Единственное, воздерживаться. Ведь он на войне, а не в доме отдыха с милой во время медового месяца, откуда поедут домой к маме. Он всё прекрасно понял и сердцем, и умом, но его терпеливая душа как-то неприятно сжалась, притемнилась светлая сторона, как эта тёмная часть суток.

– Костя, не хмурься. Я все же медик и кое-что знаю об этих делах, только слушай меня – и всё будет в порядке.

– Слушаюсь, товарищ санинструктор! – как можно бодрее сказал Костя, чтобы не напугать любимую своим мрачным настроением. – Пойду гляну, как там бойцы устроились?

Бойцы, прижавшись друг к другу, мертвецки спали. Лейтенант не стал их будить, вернулся в свой грот.

– Спят, – тихо сказал Костя, – набродились, наголодались. Пока это балласт. Но посмотрим, каков у них дух!

Глава 8

Утро хмурилось. Вот-вот брызнет мелкий дождь. Но брызгать не стал, а рассеялся мало приятной холодной пеленой, и прорезиненные накидки, снятые с мотоциклистов, пришлось кстати. Для бойцов из брезента были выкроены подобие плащей, и они надёжно прикрывали голову и плечи. Таня с лейтенантом шли впереди, метрах в ста – Лёха, выделяясь рослой, но худой фигурой, и рядом с ним Фёдор – щуплый и прыщавый малый. Винтовка на его плече торчала на полметра выше головы и едва не волочилась по земле. Лейтенант вернул им штыки, пообещав вооружить их автоматами и обучить стрельбе.

К машине вышли быстро, не плутали. Возле полуторки гудел тягач. Замерли в густом подросе клёна и бузины.

– Стоять здесь, ни шагу! Я – на разведку.

Лейтенант выдвинулся вперёд и пересчитал солдат. Пятеро вместе с водителем тягача. Помятая полуторка стояла ровно, осталось только вытащить на дорогу и транспортировать. Через снайперский прицел Костя увидел в кузове тягача наши ящики с боеприпасами. Торчали дулами вверх три карабина фрицев.

Он быстро вернулся к группе.

– Товарищи бойцы, атакуем фрицев. Их всего пятеро. – Он передал винтовку с прицелом девушке.

– Зачем им разбитая машина?

– Это металлолом. Переплавят на заводе. Итак, Таня берёт на прицел водителя тягача, чтобы не удрал. Он как раз сидит в кабине к нам лицом. Бойцы уничтожают тех, кто справа от машины. Я снимаю остальных. Исходная позиция – тот последний клён. Таня открывает огонь первая. За мной.

Таня промахнулась. Позднее выяснилось – шофёра спасла баранка. Пуля ушла в сторону. Водитель с криком вывалился из кабины. И тут его достал второй выстрел снайпера. Лейтенант короткими очередями снял стоящих слева солдат, мешавших водителю сдать назад. Два солдата стояли справа, наблюдая за действиями шофёра тягача. Осинин и Шелестов, передергивая затворы, замешкались и открыли огонь с опозданием. Причём по одному и тому же грузному солдату. Его ранили, он взвыл от боли, бросился бежать. Второй метнулся к карабинам, которые торчали в кузове. Он уже ухватился за ствол, и тут его настигла пуля лейтенанта. Последовали новые выстрелы бойцов по убегающему фрицу. Он упал и стал отползать дальше.

– Отставить стрельбу! Догнать врага! – приказал Белухин. – Если жив, я его допрошу.

Он вскинул пулемёт на плечо и пошёл вслед за рядовыми. Те торопливо, с опаской бежали к немцу, распластанному в траве.

Он был жив, но ранен в правый бок и, слыша топот, перевернулся на спину, закрыл руками лицо.

– Он живой, товарищ лейтенант, – доложил Осинин.

Белухин подошёл, присел рядом на корточки, отдернул руки с лица немца.

– Где находятся ваши передовые войска? – спросил лейтенант по-немецки.

– Я не знаю, я не солдат фюрера, я рабочий и против войны.

– Против, а топчешь нашу землю.

– Меня заставили идти в армию, в хозроту. Мне сорок пять лет. У меня дети.

– Воюют за фюрера?

– У меня две дочери, я ранен, помогите, возьмите меня в плен.

Подошла Таня.

– Перевязать? – спросила она.

– Мы не можем брать пленных, – жестко ответил лейтенант, – уходи к машинам! – И, обращаясь к немцу, снова спросил: – Где ваши передовые войска?

– Я слышал, что наступление захлебывается. У города Ельни и реки Десна ваши яростно атакуют.

– Что же дальше предпримет фельдмаршал фон Бок?

– Я не знаю, но слышал разговоры, что войскам нужна передышка, пополнение и снова удар на Москву.

Лицо лейтенанта помрачнело. Таня ахнула.

– Санинструктор, я вам приказываю отойти к машинам. У нас времени в обрез. – Он проследил, как Таня пошла назад, и сурово произнес: – Именем народа Советского Союза, приговариваю врага, ступившего на нашу землю, к расстрелу. Приговор привести в исполнение рядовым Осинину и Шелестову.

Лейтенант повернулся и пошёл вслед за Таней, он слышал, как бойцы передернули затворы винтовок, а Осинин скомандовал: «Огонь!»

Подойдя к машинам, Белухин присел на ступеньку полуторки, дожидаясь рядовых. Те с бледными лицами явились следом. Лейтенант встал.

– Я вижу, у вас руки трясутся, словно вы кур воровали. Огневая подготовка – ни к черту. Вдвоём стреляли по одному солдату и только ранили. Это нестроевик, боевой автоматчик из вас бы сделал решето. Меткая стрельба – ваша жизнь, – сурово говорил лейтенант, вытаскивая пистолет из кобуры. – Осмотреть, есть ли кто живой?

– Никого, все мертвецы, – первым пробежавшись вокруг машин, сказал Лёха.

– Ладно, но в следующий раз оружие держи на боевом взводе. Вдруг раненый вооружен автоматом, он прошьёт тебя, как портной штанину.

– Не прошьёт, – сказал Лёха и всадил в борт кинжал. – Натренировался, пока бродили по лесу, и пацаном любил в ножички играть.

– Это уже кое-что, молодец, – похвалил лейтенант бойца. – А ты, рядовой Осинин?

– Не, я не умею.

– Учись, очень пригодится. Вам многому надо научиться. Боевая подготовка слабая, думаю, физическая – тоже. Сколько дней вас готовили к бою?

– Около месяца. Стреляли всего два раза. Не было сначала винтовок, а потом патронов, – виновато оправдывался Шелестов.

– Больше в карауле стояли, да маршировали. Правда, марш-броски были, – сказал Осинин, – я на ногу лёгок, первым всегда шёл.

– Словом, на врага бросили пушечное мясо, – тихо и зло сказал лейтенант. – У нас нет времени на подготовку, но будем учиться каждую свободную минуту, особенно качать мышцы и стрелять.

– Мы всегда готовы тренироваться!

– Ладно, товарищ Таня, в кабину, а мы пока осмотрим вокруг, где что лежит. Да придадим земле труп нашего шофёра.

– Товарищ лейтенант, что сказал немец про Ельню и Десну? – взволнованно спросила Таня.

– Впредь на операциях называйте меня командиром для маскировки. Думаю, на рубеже Ельня – река Десна войска группы армий «Центр» под командованием фельдмаршала фон Бока остановлены. Идёт перегруппировка и накапливание сил врага для нового наступления на Москву. Нам надо немедленно нанести удар по железной дороге.

– С нашими-то силами?

– Отставить пререкания, сил для диверсии у нас достаточно. Не раскисать! Просмотри документы и письма солдат, которые я нашёл у мертвецов.

– Я недостаточно знаю немецкий, чтобы читать письма.

– Ладно, разберёмся после.

На тягаче и в полutorке оказались сапёрные лопаты и могилу вырыли быстро. Неглубокую, полметра. Опустили уже взявшийся тленом труп, засыпали землей. Лёха срубил тонкую берёзку и, соорудив крест, воткнул его в могильный холмик. Лейтенант трижды салютовал из винтовки.

– Цепляйте трос за наш грузовик и поедем на тягаче к самолёту. Он упал севернее от нас.

Тягач хорошо подчинялся лейтенанту. Вскоре они выскочили на взлобок, чтобы взять правильное направление полёта фашистского стервятника и где их повозку атаковал «фоккер». Впереди виднелась траншея, а за ней кресты, кресты, кресты из берёзы. На лбу у лейтенанта высыпал холодный пот, Таня прикусила руку, чтобы не вскрикнуть. Тягач остановился.

Пораженные панорамой мертвого поля, стояли и молчали.

– Сколько накрошили фрицев! – раздался голос Фёдора, – а наших тогда сколько полегло?

– Полк оборонялся ровно неделю, дважды пополнялся людьми, – сказала Таня. – Раненых в тыл отвозили и днём и ночью на подводах и машинах. Товарищ командир, тут близко, надо бы дойти до траншеи, найти каску, братскую могилу и каской увековечить. Как хотели. Я же многих в полку знала по именам!

– Отставить, товарищ санинструктор, там могут быть немцы или полицаи-мародёры. Рисковать не имею права. Мы побываем там ранним утром. Сейчас розыск самолёта – первостепенная задача. По местам.

Приказал, а сам подумал: не слишком ли он о безопасности печётся? Как реагируют на его тон бойцы, не угнетает ли боевой дух осторожность? Сам-то он понимает – не из-за трусости. И тут же себя на место поставил: не идти на поводу у соблазна и отступать от главной цели на сегодня. Иначе анархия в голове. Другое дело непредвиденное обстоятельство, как валун на пути, который не даёт идти прямо, а с обходом. И утвердился – правильно поступает, как учил полковник.

Ехали на тягаче на пониженной скорости по пересечённой местности. Затрудняли проезд заросшие густым кустарником балки. Остановились, когда тягач упёрся в густой березняк. Высадились. Лейтенант призадумался – куда идти?

– Мы шли по березняку долго, – сказал Федя Осинин. – Сильно густой лес. Самолёт лежал возле сосны. А их отсюда не видеть.

– Я думаю, товарищ лейтенант, березняк скоро кончится, если идти на север. Видите, песок попадает, а сосна песок любит, – уверенно сказал Шелестов.

– Верное наблюдение. Разгружаем машину, ящики прячем в кустах. Винтовки немцев взять, подсумки тоже. Затем держим курс строго на север. Если отыщем самолёт, вернёмся и унесём ящики с патронами на свою базу. Вперёд, не отставать.

Рядовой Шелестов оказался прав. Стали попадаться сосны, а вскоре они вытеснили берёзу, и земля была покрыта сухими шишками и чахлой травой, которой на песчаной почве не хватало влаги, сосны же пили её из глубины своими мощными корнями.

– Тут он, товарищ лейтенант, тут. Видите, вершины сосен срезаны, гарь пошла от взрыва. Трава занялась, но быстро потухла. А вот и крыло.

Рядовой Осинин бежал первый и радостно сообщал о находках.

Самолёт раскидало взрывом прилично. О поиске компаса в кабине или рации думать не приходилось. Найти бы труп!

– Кто это его грохнул?

– Наш командир Белухин, – с гордостью сказала Таня.

Бойцы в изумлении уставились на командира.

– Вот из этого пулемёта, – пояснила Таня.

– Да, кому скажи, не поверят!

– Бойцы. Вы лучше вспоминайте, где висел труп лётчика.

– Счас, мы прикинем, откуда шли, и найдём труп, – сказал рядовой Осинин. – Мы его потом заметили, сначала заглянули в кабину. Она лежала отдельно от тулова самолёта. Да вот она. А лётчик по ходу висел. Только где же он?

– Он упал на землю, видите, вороны долбят труп.

Несколько птиц, увидев людей, с криком поднялись и уселись неподалеку на сосны.

Лейтенант бросился к останкам. Компас на руке разбит в дребезги, планшет оказался цел. Костя сдернул его с трупа, раскрыл, вынул карту, развернул. Зазеленели, запестрели Белорусская ССР, Брянская, Смоленские области...

– Бойцы, снимите парашют и уходим к машинам, – приказал лейтенант, – заберём имущество, а грузовики сожжем.

Таня не подходила близко, стояла у разбитой кабины.

– Карта крупномасштабная, но это лучше, чем ничего, – сказал он Тане, которая взглядом вопрошала о находке. – Есть на ней и Локоть. И он не разъезд, а узловая станция. Я это понял в первой операции. Здесь можно хорошо поработать с эшелонами врага.

Лейтенант как-то необычно для себя тяжело вздохнул. И вроде вина навалилась за малую боеспособность группы. Для дерзкой диверсии на обеих ветках есть всё – тол, оружие, боеприпасы, а руки одни! Ну, да ничего, будет вам от нас горькая пилюля, проглотите с кровью.

До машин не дошли. Лейтенант услышал работу нескольких двигателей. Он чертыхнулся и резко взял на восток. Видимо, немцы разыскивали пропавший тягач и по следу подошли к оставленной технике.

Шли быстро, опасаясь, чем чёрт не шутит, погони. Таня не успевала. Лейтенант передал пулемёт Шелестову, а санинструктора водрузил на спину, как в первый раз, и группа пошла быстрее. До базы добрались на закате дня. Бойцы валились от усталости, видно было, что они не окрепли от голодухи, да и физическая подготовка хромала на обе ноги. Костра не разводили, поужинали трофейной тушёнкой с сухарями, запили холодным чаем, что оставался с утра в котелке.

– Таня, пока светло, давай прочитаем письма.

Санинструктор достала из сумки два конверта, один адресованный в Рейн-Вестфалию, второй – в Пруссию. Первое письмо вызвало интерес. Франц Клатихапель писал жене: «Добрый день, дорогая Марта. С прискорбием сообщаю, что наш сын Артур лежит в госпитале. Наберись мужества – ему ампутировали правую руку. Он чудом выжил, и скоро ты его встретишь в своей вилле. Эти русские дерутся как черти и на передовой, и у нас в тылу. Всюду разрастается партизанское сопротивление, и я не чувствую себя в безопасности. Они обстреливают нас, когда мы едем на станцию за продуктами или почтой, закладывают мины, на которых подорвалось много наших машин. Они наводят на нас ужас. Откровенно, я боюсь отправлять тебе это письмо...»

– У фрицев затряслись поджилки! – радостно воскликнул Фёдор.

– Послание не окончено, – сказал лейтенант, – в нём господствует страх перед русским воином. Вот бы это паническое письмецо опубликовать в наших газетах! Оно раскрывает дух оккупантов.

– Даже наша крошечная группа бьёт врага, – с гордостью сказала Таня.

Опускалась ночь. На каждого падало отдежурить по два часа. Таня должна бодрствовать первая, затем Фёдор Осинин, лейтенант взял на себя самые глухие часы, когда сон валит с ног. Утренние часы достались Лёне Шелестову. Уверенность в покое разбилась об успешные и несложные операции, на авось лейтенант больше не полагался.

* * *

Начальник Генерального штаба сухопутных войск вермахта генерал-полковник Франц Гальдер по обыкновению засиделся в своём кабинете за полночь. В свои пятьдесят семь лет он выглядел молодо, но порой усталость от напряженности на фронте подавляла его энергию. Сейчас он размышлял о потерях, которые занес в дневник. Они неутешительные: «...за период с 22.6 по 13.8.1941 года они составили 389 924 человека, что соответствует 11,4 процента численности всей армии, действующей на Восточном фронте».

Гальдер снимает пенсне, протирает стёкла носовым платком. Нечто подобие улыбки тронуло его губы. Да, потери неутешительные. Но завтра он преподнесёт их фюреру несколько в иной форме, чем обычно. Оперативники по его заданию сравнили потери живой силы за два года Первой мировой войны и теперешней компании, начиная с первого дня вторжения в Польшу и на конец июля сорок первого. Оно не в пользу солдат Вильгельма. Фюрер будет доволен. Однако тенденция потерь в связи с упорством русских у Смоленска тяготеет к росту.

Размышления начальника штаба прервал телефонный звонок с Восточного фронта. Зазвучал нервический голос командующего группой армий «Центр» генерал-фельдмаршала фон Бока. И это не в первый раз. Прежде фон Бок докладывал, что Гудериан злится за тормоз в наступлении. То есть он пожинает плоды самостоятельного решения в броске на восток бронированного кулака. Его сильно прижгли. Теперь Гальдер слышал, фельдмаршал захлебывался слюной от негодования.

– Франц, у меня нет сил сдерживать себя от самоуправства Гудериана. Он растащил свои танки по русским ухабам, оторвался от пехоты, и русские жгут его бронированные дивизии.

– Мне не нравятся выходки танкового генерала, как и вам, дорогой Фёдор, я пытался повлиять напрямую...

– Бесплезно, Гудериан взял неподобающий тон, который я ни в коем случае не могу терпеть. Более того, он через мою голову общается с фюрером и в отрыве от моих расчётов оба решают вопросы как авантюристы. За ними стоят провалы в наступлении, чем успевают воспользоваться русские и атакуют нас даже с запада.

– Да, это неслыханная наглость. Я буду по этому поводу говорить с главкомом и фюрером. Успокойтесь, Гудериана поставим на место.

Радужное настроение у начальника штаба унесло холодным ветром с Восточного фронта, рожденного крепнувшим сопротивлением Сталина и неоднократным плачем фон Бока, что с прежними силами ему нельзя будет долго обороняться. От слова «обороняться» у фюрера аллергия и патологическая ярость. А завтра ему докладывать о развитии наступления в центре. Франц опрокинул стоящего на столе оловянного солдатика, задумался, затем взял ручку и записал в дневник:

«Сведения с фронта подтверждают, что русские всюду сражаются до последнего человека. Бросается в глаза, что при захвате артиллерийских батарей и т. п. в плен сдаются немногие. Часть русских сражается, пока их не убьют, другие бегут, сбрасывают с себя форменное обмундирование и пытаются выйти из окружения под видом крестьян».

В кабинет энергично вошёл шеф имперской пропаганды Геббельс, идеолог фашизма. Его сухошавая фигура, казалось Гальдеру, значительно усохла за последний напряженный месяц войны. Геббельс вскинул правую руку в приветствии.

– Хайль Гитлер!

– Хайль, – ответил Гальдер, вставая. – Что привело, Иозеф, вас ко мне в столь поздний час?

– Меня волнует стабилизация фронта на Смоленщине. Я слышал, что у вас есть сравнение потерь в годы двух мировых войн. И коль солдаты фюрера на высоте, я заверну факты в красочную обложку и подниму боевой дух наступающих.

– Не скрою, есть.

– Так дайте мне их, и они заиграют лучами победы!

– Если вам угодно. За первые два года Первой мировой войны потери ранеными составили в восемь раз больше, чем за период с первого дня нашей кампании, то есть с 1939 года по конец июля сорок первого. Убитыми – в четыре с половиной, без вести пропавшими – в двенадцать раз больше.

– У вас, дорогой Франц, есть подробная расшифровка?

– Вот в дневнике. Я прикажу распечатать их для вас.

– Каковы потери на сегодняшний день? Они уменьшаются? – наивно задал вопрос Геббельс.

– К сожалению, вынужден огорчить: возрастают и приближаются к полумиллиону.

– Русские осатанели! Это численность армии Наполеона!

– Упорство русских, я бы сказал, фанатическое. Но не только, дорогой Иозеф, они быстро перехватывают нашу науку воевать.

– И все же мы им устраиваем горячие котлы! – Геббельс крутнулся вокруг себя и, вскидывая руку, удалился.

Глава 9

Назавтра, изучив карту, лейтенант Белухин сказал Тане:

– Лес наш не очень-то обширный. До Локтя по прямой десять километров. А вот родничок подальше и место там глуше. Придётся основную базу делать там. Изучим болото и посмотрим, можно ли там укрыться от карателей с собаками. Рано или поздно немцы будут нас разыскивать. Надо быстрее нанести ощутимый удар по железке. Сегодня – разведка. Пойдём налегке.

Эшелоны шли через Локоть с полутора часовым промежутком с обеих сторон при скорости тридцать километров в час. Где-то не так далеко есть разъезд. В глаза бросилось, что вагоны преимущественно наши, советские, захваченные на станциях во время первых недель внезапного вторжения. Гнали отремонтированные пульмана, неизвестно чем гружённые. Отдельно цистерны с горючим и платформы с бочками под брезентом. Мелькали танки и самоходные орудия, тяжёлая и легкая артиллерия. Все это угадывалось по конфигурации брезента, прочно увязанного за борта вагонов.

Лейтенант и санинструктор, лежа у кромки леса, рядовые в метре от них, тщательно изучали подступы к железнодорожному мосту. Обшарили через прицел поочередно каждый метр насыпи. Метров на пятьсот по обе стороны лес был вырублен, но пока не убран, примяв кустарник. Пахло увядшей листвой. По обеим сторонам моста огневые точки из мешков с песком охранных войск. Часовые парами прохаживаются по обочине насыпи на длину всей вырубки.

– Сегодня же ночью, пока не убрали деревья, не расширили лесосеку, заминирую дорогу с таким расчетом, чтобы состав от взрыва врезался в мост и разрушил его. Он не очень крепок, всего на двух быках.

– А успеешь, тол надо принести.

– Да, перестраховался, – огорчился лейтенант, – можно было всё взять с собой. Груз невелик, впредь учту.

Помолчали, пропуская глазами встречный эшелон.

– Такая мощь прет! Страшно.

– Удар сам напрашивается. Товарищ Таня, отправляйся с рядовыми на базу. Тола дашь не больше килограмма: двести семьдесят граммов перебивает рельсу, провод с адской машинкой, и отправишь рядовых ко мне. Сама остаёшься на базе.

– Милый, ты меня пугаешь!

– Товарищ Таня, это боевое задание и никаких милых тут нет. Есть командир, приказ, расчёт и чёткое его выполнение. – И добавил мягче: – Твоя нога не выдержит быстрого хода по лесу ночью, если придётся уходить от погони.

– Есть, товарищ Костя, но парни не очень выносливые. Слабаки. Им бы тренировку.

– Нет у нас времени для тренировок. Осень, фрицы усиленно стягивают силы для нового удара на Москву. Смоленск им здорово начистил хрюшку. Выбрать бы литерный с живой силой! Но разве без агентуры угадаешь? Цель – цистерны с горючим.

– Ты будешь бить зажигательными?

– Посмотрим, если удастся свалить эшелон, в суматохе мой пулемёт не услышат.

– Значит, будешь бить, – обречённо сказала девушка.

– Товарищ Таня, отставить разговорчики и все сомнения, выполнять приказание. Бери бойцов и – марш! Бойцам я приказал выполнять все твои распоряжения. – Он поцеловал подругу и отвернулся к железке: – Я на тебя надеюсь, как на себя.

– Не подведу, – тихо ответила Таня и перебежала к бойцам. Через минуту они скрылись в лесу и ходко пошли на базу.

Лейтенант Белухин пока не имел того боевого чутья, каким обладают опытные бывалые разведчики, но те небольшие операции, какие удалось совершить, все же придавали уверенность в успехе и выборе именно той цели, какую хотелось. Он вспоминал наставление полковника: «Чутьё приходит не сразу, иным с годами, но есть люди, одаренные на это. Они быстро вживаются в обстановку, глубоко понимают обстоятельства, как бы видят шестым чувством будущее событие, и действуют дерзко и решительно. Но не всегда надо полагаться на чутьё, и не воображать, что оно у тебя давно созрело и можно на него опереться без опаски. Ещё и ещё просчитывайте варианты операции, выбирайте наиболее верный и короткий путь к цели с наименьшими жертвами – это и есть командирская одаренность».

Полковник подчёркивал: «Людам, хватившим в молодости лиха в борьбе за выживание на гражданке, легче вжиться в рискованный труд диверсанта, выработать чутьё на опасность или на удачу. Такой человек, что называется, тертый калач».

Именно таким и был Константин Белухин, потерявший в конце Гражданской войны отца. Поднимался на ноги с матерью и с дедом, у которого был настороженный взгляд на события в стране. Его родная Сибирь с нетронутой тайгой вырастила любовь к зелёному другу, к его скрытой от невнимательного глаза жизни, но зримой, если у тебя есть чуткое сердце, хороший слух и зрение. Все это у Кости было. В лесу он всё видел, слышал и понимал его жизнь. Потому он в незнакомом полесье, прилегающем к станции Локоть, ни разу не заплутал, хорошо ориентировался. Трудовая жизнь закалила его характер, волю и тело, наливая его силой, выносливостью и неприхотливостью к быту. Природа дала ему меткий глаз и верную руку. На стрельбах из пистолета он всаживал пуля в пулю. И по врагу бил без промаха, экономя заряды, которые потихоньку таяли.

Кроме природной одаренности, многое дала учёба в военном училище, значительно больше подготовка на базе, где он провёл вторую половину срока учёбы. И вышел оттуда лейтенантом с многочисленными навыками разведчика-диверсанта, хотя до настоящего профессионала многие не дотягивали. Он в душе был рад такой подготовке, которая порой доводила парней до молчаливого изнеможения. Особенно в первые две недели. Выжатые как лимон тренировками, падали после отбоя на топчаны трупам. Молодые тела за короткую ночь успевали восстанавливаться, и снова беспощадные занятия и тренировки.

Священная месть вспыхнула негасимым огнем от гибели под Витебском деда с матерью. Они, гонимые вспыхнувшей войной, возвращались с похорон старшего сына деда, деверя матери, Костиного дяди, и попали под бомбёжку. Об этом ему успели сообщить родственники. Старики Белухины оказались теперь в оккупации, а сродные братья ушли воевать. Горечь утраты хоть и несколько притупилась, в горячие дни он не вспоминал о гибели родных, но сейчас, когда остался один, наблюдая за дорогой и считая эшелоны, вспомнились и детство с юностью, и эта ничем не оправданная потеря. Константин страстно желал выбрать самый ценный эшелон. Не сомневался, пустит под откос, крепко разозлит немецкое начальство от ощутимой потери и надо ждать карательный отряд. Лейтенант понимал, что где-то, в какой-то штаб, возможно, в тот, что в Локте, уж поступили донесения о его мелких диверсиях, совершенных в одном и том же районе дерзкими партизанами, с которыми надо кончать. Разбитый эшелон будет той каплей, что переполнит бокал раздражения и ярости генерала, чьи войска находятся в этой фронтовой полосе. В этом он был уверен.

* * *

Между тем диверсии на оккупированной территории стали настораживать генерал-полковника Франца Гальдера. В августе он записал в своём дневнике: «В тылу между озером Ильмень и Нарвой действуют партизаны. Они совершают неприятные для нас налёты на железные дороги. Спущен с рельсов поезд. И вот, когда армии группы “Центр” топчутся на линии

Ярцево – Ельня – река Десна и стали наращивать мускулы для нового удара на Москву, приходят досадные, как зубная боль, сообщения о крушении поездов в тылу на железных магистралях. Гибнет недопустимое количество боевой техники, боеприпасов, горючего. Войскам надлежит усилить бдительность в перевозках и решительно пресекать все попытки диверсий на дорогах».

* * *

Отбиваться от карателей лейтенант Белухин пока не станет. Не те силы у него. Уйдёт, не оставляя следов, как в прошлый раз. Впрочем, загадывать не стоит. Теперь он не один, как получится.

Вспомнив о Тане, которая в эту минуту, пожалуй, отправила бойцов к железке и осталась одна, он улыбнулся, и неизъяснимая нежность к девушке заполнила всё его существо, а сердце тревожно забилося. От чего?

«Нет, она не должна послушаться приказа и останется на базе, – успокоил он себя. – Вот что значит воевать рядом с любимым человеком! Недаром полковник наставлял: «...постарайтесь не влюбляться. Хотя сердцу не прикажешь, на фронте много ваших ровесниц в чине медсестер».

«Я не выполнил это наставление. И счастлив. Моя жизнь стала богаче, а действия осторожнее, с более тонким расчётом. Та первая ночь сделала меня мудрее. Нет, никакая война не может остановить любовь к женщине. С этого начался мир».

Что он знал о любви и женщинах в свои двадцать лет. Почти ничего. Школьные годы оставили бесконечную жажду к знаниям, к спорту и пиротехнике. Правда, отроком он был влюблён в свою одноклассницу, но, проучившись год с ним, она уехала с родителями-геологами и след этой любви долго был зримым, оттого в старших классах он несколько холодно относился к девушкам. Потом обнаружились его незаурядные способности стрелка, он попал на областные соревнования, стал чемпионом по стрельбе из пистолета и винтовки.

«С такими способностями – прямая дорога в военное училище», – говорили ему в школе. Костя отмалчивался, мечтая стать пиротехником и работать на киностудии. Теперь пригодились все навыки, которые он успел обрести в той мирной жизни.

Хорошее настроение Константину придали воспоминания об одном эпизоде с друзьями. Весной на окраине своего посёлка он показывал, как ему казалось, чудеса пиротехники. На песчаном берегу речки Костя расставил десяток консервных банок большим кругом. Встал в центр, поджог бересту, накрученную на палку, скомандовал: «Батарей – пли!»

Два друга стояли в сторонке и, веря и не веря в фокус, поглядывали на Костю. Тот поднёс огонь к первой банке, и она с резким хлопком подскочила вверх метра на три. Костя повёл факел дальше. Банки одна за другой стали хлопать и подпрыгивать.

Изумлению мальчишек не было предела. Они подскочили к приятелю:

– Как это у тебя получается, Костян?

– Секрет!

– Так продай за щелбаны в лоб.

– Ладно, друзьям расскажу. Я мечтаю стать пиротехником и сниматься в кинокартинах.

Но где учат – не знаю. С банками очень просто. Видите, дырки на дне. От гвоздя. Под банками сырой карбид, ишь, дымится. Это газ. Он накапливается в банке. Я поднес огонь. Газ взорвался, банку подбросило.

– Здорово! Мину можно такую сделать?

– Можно, но взрыв будет слабый. Надо динамит или тол.

Его воспоминания прервал идущий состав со шпалами, рельсами и целыми звеньями железнодорожного полотна. На одной платформе подъёмный кран для укладки этих звеньев.

Костя проследил в прицел, насколько позволяла местность, куда же встанет этот состав или уйдёт дальше? Резко сбавляя ход, эшелон взял влево, где бульдозеры нагребают насыпь.

«Расширяют станцию, она забита поездами. Накапливают силы. Будь под рукой рация, сообщил бы в Центр о скоплении эшелонов. Хорошая цель для ночной бомбардировки. Днем сюда не прорвёшься. Недалеко полевой аэродром. В небо уходят самолёты волна за волной».

Состав загородил вагонами видимость и остановился на крайнем полотне, где недавно лейтенант сжег бочки с горючим. Теперь там шла стройка. Из небольшой станции, запрятанной в лесной глуши, вырастет крупный узел, будет питать фронт. Какая ценная информация! На прежних картах Локоть лишь небольшая узловая станция. Как же не хватает рации!

* * *

Неутомимый Франц Гальдер отразил в своём дневнике и эту проблему. Фельдмаршал фон Бок по телефону сетовал, что срывается график прибытия эшелонов в его группу армий. Гальдер был вынужден согласиться с прославленным, но привередливым стариком. Так он называл в своих мыслях генерал-фельдмаршала, хотя сам был моложе всего на четыре года. Да, эшелоны застревают на погрузке в Польше и с большим опозданием катятся по русским просторам. По этому поводу с главой интендантской службы у него постоянные трения. Хотя тот уверяет и есть подтверждение, что в «Центр» ежедневно прибывает двенадцать эшелонов с различными грузами.

– Ваша задача, герр интендант, создавать в тылу неприметные базы накопления военного имущества. Затем доставлять его дивизиям.

– Просто приказать, сложно выполнить.

– Я вам подскажу. Выбирайте крошечные узловыe станции, скрытно расширяйте их. Пусть русские ломают голову – где и что складировается.

– Спасибо за подсказку, Франц, – съязвил интендант. – Русских паровозов и вагонов – кот наплакал. Те, что мы захватили, в большинстве повреждены и требуют ремонта. Собрали весь хлам, делаем из него новые платформы. На отечественную колею мы не успеваем перешивать дороги.

– Эту проблему я знаю и всячески стараюсь увеличить число портных.

– Мы чувствуем вашу руку. Но она бывает перебита дерзкими налетчиками восточнее Буга.

* * *

Этот диалог вершинных военных вермахта подтверждает догадку лейтенанта Белухина о расширении Локтя. Но он не знал и не мог знать о коварных действиях оккупантов, и его намерения – пустить под откос эшелон – не могли вытекать из приведённой беседы, а являлись лишь выполнением давно задуманной диверсии, что называется, пробой пера. Потому он с нетерпением ждал своих бойцов с толком, которые появились только к вечеру.

Небо супилось облаками, и закат ало пылал над горизонтом. Тяжело дыша от быстрого перехода, парни распластались рядом с лейтенантом.

– Молодцы, объявляю благодарность! Санинструктор как, осталась?

– Так точно, товарищ командир, проводила нас немного и вернулась.

– Ладно, стемнеет, начнем операцию. А сейчас присмотритесь, подберёмся вон к той сваленной толстой сосне. Место хорошо защищено стволом дерева, ветки только обрубленные помеха, но оттуда нам хватит провода, чтобы взорвать тол в нужный момент.

– Хорошо собак нет, – сказал Фёдор.

– Непуганые, наглые, – отозвался Лёха.

– Вот, чёрт! Патрулирование к вечеру усиливается. Смотрите, одна пара часовых идёт по левой насыпи. Дошла до середины вырубki, в это время вторая пара фрицев выходит по правой стороне. Задача усложняется.

Стали наблюдать. Как раз напротив их лёжки часовые встретились, взмахом руки показывая, что все спокойно.

Прогромыхал, освещая путь прожекторами, небольшой состав, заскрежетали тормоза, сбавляя ход перед станцией, хотя горел зелёный светофор. Вскоре вслед за ним прокатилась дрезина с плитами на платформе и с двумя гнездами пулемётчиков. Признак того, что следом пойдёт состав со стратегическим грузом.

– Немедленно уходим дальше вырубki. Задуманное здесь не выполнить. Обнаружат, если даже успеем заложить тол. Погибнуть без грохота спущенного под откос эшелона не имеем права!

Через несколько минут группа была вне видимости часовых, и лейтенант немедленно установил двойной мощности заряд, чтобы состав бросило влево, где угадывался глубокий откос. Он торопился, и не напрасно: на полной скорости, сколько позволяли два сцепленных паровоза, шёл тяжелый состав, сверкая прожекторами. Впереди паровозов катилась платформа с пулемётчиками.

Отбежав на неуязвимое от взрыва расстояние, разматывая катушку, лейтенант едва успел укрыться за деревом, как прожекторы, словно днём, высветили прилегающее к полотну пространство. Промедли Костя на несколько секунд, оказался бы в световых лучах.

Он пропустил платформу и, когда на заряд набежал первый паровоз, крутанул рычаг адской машинки. Раздался мощный взрыв. Недаром перестраховался: паровозы, сбитые с рельсов, грохоча, устремились под откос, увлекая за собой состав. Платформу с пулемётчиками взрывом отбросило в их сторону.

Лейтенант ударил из пулемёта бронебойно-зажигательными пулями по падающим с платформ бочкам с горючим. Они вспыхнули. Взорвалась, догоняя их, цистерна, вторая, третья, освещая пламенем все вокруг на добрую сотню метров. Белухин принялся с лихорадочной быстротой наматывать на катушку уцелевший провод.

– Огонь по пулемётчикам! Там кто-то остался живой, – приказал он рядовым, а сам, сунув адскую машинку в рюкзак, посылал и посылал короткие зажигательные очереди из «дегтяря».

У моста взвыла сирена, там ударили несколько пулемётов, вспыхнули мощные прожекторы, установленные на автомашине. Замелькали тени бегущих солдат.

– Уходим на запад! На огонь врага не отвечаем! Не отставать!

И ломанулся в спасительный лес, освещённый заревом пожара. Вскоре беглецы потонули в кромешной тьме, натываясь на ветки, ломая их, оставляя следы. Фитильный Шелестов царапал ветками лицо в кровь. Бухали ботинками с полчаса.

– Стоп! Поворачиваем резко на восток. Идём осторожно, след в след за мной. Пока подтянутся солдаты с фонарями, мы должны выйти к широкой ложбине, она приведёт нас к базе.

– Здорово вы их, товарищ лейтенант! – радовался рядовой Фёдор. – Я не видел пока, чтоб немцы были биты.

– Учись, пока я жив! – снисходительно ответил Костя.

– Я бы рад! Такой составище с горючим сожгли!

– Вот и наша балка. – Лейтенант поднёс к лицу руку с часами, на которых едва светилась стрелка компаса, указывая направление. – Она гораздо шире той, что недавно пересекли. Здесь много сланца. Да вот первый под ногами. Запоминайте, хороший ориентир. По дну балки быстрее доберёмся до базы. А утром – жди карателей. Ночью глубоко в лес они не сунутся.

– Я камни заметил днём, товарищ лейтенант, – сказал Шелестов, – когда назад к вам шли. Санструктор подсказала. А то бы мы заплутали.

Долго и осторожно шли молча по дну лощины при тусклом свете луны, где недавно катился водяной поток, раздвигая кустарник, царапая руки и лицо. А внутри всё клокотало от удачи. Иногда было слышно, как нетерпеливый Фёдор повторял: «Аз, воздали!» А рядовой Шелестов одобрительно кричал. Лейтенант улыбался в темноту, но молчал.

Вдруг раздался крик выжи.

Лейтенант остановился и откликнулся таким же криком.

– Санинструктор нас встречает.

Несколько напряженных минут и голос девушки:

– Товарищ лейтенант, я слышала грохот. Получилось? Все живы?

– Все, товарищ Таня, почему нарушаешь приказ, покинула базу? А если бы заблудилась? Невыполнение приказа сгубит любого и тебя тоже.

– Я уже тёртый калач, не заблужусь. Как вам удалось?

– Ушли от моста и пустили под откос эшелон с горючим. Утром ожидаю визит карателей. Встретим с «музыкой», оркестр заказан и ждёт взмаха руки маэстро. Сейчас отдохнём и подумаем, когда и как отходить к роднику. Пока богиня Ника нам покровительствует. Я не хочу её огорчать непродуманными операциями.

– А как же «музыка»?

– Утро вечера мудренее, товарищ Таня. Я счастлив: чувство выполненного долга – самое прекрасное после чувства любви! – Костя притянул девушку к себе и жадно поцеловал, словно растворяя нервную напряженность операции. Она ответила своим благодарным поцелуем и крепким объятием. И Костя почувствовал на щеке подруги горячие слёзы. Это были слёзы счастья, если их диверсионную удачу можно так назвать.

Глава 10

Генерал фон Фрайс собирался отойти ко сну. Надо экономить силы, скоро наступят бессонные ночи. Смоленское сражение сильно измотало его морально и физически. Русским удалось наладить оборону, более того, противник постоянно контратакует боевые порядки армии и его дивизии, которые несут ощутимые потери. Ощутимые, мягко сказано. Дивизия была дважды обескровлена, дважды значительно пополнялась живой силой. Солдат фюрера выбивали из траншей и даже гнали вспять. Командующий генерал-фельдмаршал фон Бок, как и фюрер, не хотел слышать о безумном упорстве русских и приказывал: только вперёд!

Старый приятель танковый генерал жаловался, что танки его дивизии горят как свечи от адского огня – бутылок с зажигательной смесью. Такого бешеного сопротивления он не встречал в Польше. И оно будет нарастать! Неутешительный вывод. Секретная директива Генштаба предписывала накапливать силы для решительного броска на Москву. В достатке должно быть горючего для панцер дивизий и для другой техники, вооружения, снарядов и патронов, продовольствия и прочее, прочее... Особое внимание следует обратить на безопасность железнодорожных перевозок, ибо есть случаи подрыва железнодорожных полотен, уничтожение горючего...

«К счастью, это происходит в глубоком тылу, не на моей территории. Та незначительная потеря горючего квалифицирована как внутренняя авария железнодорожников. Виновные наказаны...»

Его размышления прервал вспыхнувший багряный отблеск в зашторенном окне. Через несколько секунд отблеск превратился в зарево, прилетели ухающие взрывы. Генерал вскочил с постели. Что это могло означать?

Стук в двери – и на пороге его адъютант.

– Господин генерал, на железной дороге произошла крупная авария.

– Не дурите мне голову, гауптманн, немедленно ко мне коменданта станции и всех, кто отвечает за безопасность моих войск. Я буду ждать разъяснений в кабинете начальника штаба.

Адъютант вышел, а командир дивизии самостоятельно надел мундир, сапоги и торопливо спустился на первый этаж, где его встретили взволнованные начальники штаба и оперативного отдела.

– Что происходит на железной дороге? Очередной взрыв?

– Выясняем, господин генерал, но думаю, не просто взрыв, а гораздо хуже, судя по грохоту и разрастающемуся пожару. – Начальник штаба показал на багровое зарево в окне.

– Если это так, немедленно бросьте вспомогательные силы на уничтожение диверсантов.

А вот и комендант! – Генерал повернулся к вошедшему офицеру: – Вы слышали, что я сказал?

– Никак нет, господин генерал.

– В таком случае, я слушаю, что же случилось на вверенной вам железной дороге?

– По неточным сведениям, крушение эшелона с горючесмазочными материалами.

– Так уточните!

– Разрешите доложить, господин генерал? – раздался за спиной коменданта голос адъютанта. Генерал в знак согласия махнул рукой. – Русские диверсанты взорвали мину большой мощности на полотне и пустили эшелон с горючим под откос. Они били по бочкам зажигательными пулями, отчего взорвались не только бочки, но и несколько цистерн. Эшелон гибнет в огне.

– Я даю сутки коменданту, чтобы он нашёл и уничтожил диверсантов, если дорога жизнь!

– Но у меня нет автоматчиков. Мои подчинённые хорошие железнодорожники, но плохие солдаты...

– У фюрера нет плохих солдат. Вы пока не получите ни одного человека из дивизии. Поднимите на ноги всех полицейских, взвод охраны мостов и ведите их на уничтожение партизан.

– У нас нет собак, господин генерал, но они есть у спецподразделения, охраняющего пленных.

– Так возьмите, начальник штаба выдаст вам предписание, – раздраженно бросил генерал, удаляясь в свой кабинет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.